

И грянул в Хренодерках гром...

Автор:

[Татьяна Андрианова](#)

И грянул в Хренодерках гром...

Татьяна Андрианова

Хренодерский переполох #2

Тяжело выдать ведьму замуж, особенно если сама она этого не хочет. Даже если она красива и с хорошим приданым, устроить личную жизнь ей ничуть не легче. Да и как наладить отношения с отшельницей, обитавшей в полном нежити Безымянном лесу и которая по случайности была принята за мертвую и даже похоронена за оградой местного кладбища?! Со всеми почестями, разумеется, но кому от этого легче? Уж точно, не самой ведьме. Да еще и избушку ее хотели спалить. Ну и как теперь идти к обозленной девице с простой просьбой вызвать весенний дождь, чтобы полить посевы? Но хренодерчане вовсе не такие люди, чтобы чего-нибудь да не придумать. И решение нашлось. И грянул в Хренодерках гром...

Татьяна Андрианова

И грянул в Хренодерках гром...

Пролог

Рыжая Льесса натужно кряхтя тащила непомерно большую тушку гуся. Усекновенная птица успела нагулять за урожайное лето вес, но несмотря на это, вовсе не была неповоротлива, и обернувшейся лисой девочке пришлось почти

сутки провести окрест гусяного озера, прежде чем наконец ей улыбнулась удача. Конечно, строгая мама станет ругаться, когда Льесса вернется домой. Но она покажет родительнице добычу, гордо похвастается обретенным обликом. Мама обрадуется, погладит по рыжим непослушным волосам, и вечером в деревне меняющих облик будет праздник в ее честь. Льессе всего одиннадцать лет, а она уже обрела второй облик. Это очень важно. Мать Медведица говорит, что обретение следующего облика – это как собирать собственную душу по кусочкам, – чем больше кусков, тем полнее мозаика и целее душа. У самой Матери Медведицы, которая старше всех в селе и к тому же шаманка, целых пять обликов. Она может оборачиваться куницей, волчицей, совой, рысью и, конечно, медведицей. У нее самое большое количество обликов во всей деревне. Никто даже близко не подошел к ее числу, а значит, и душа у нее самая совершенная из всех. Но от старого Бобрика, что жил бобылем на краю села и имел только два облика (бобра и сокола), Льесса слышала, будто в давние времена жили меняющие облик, насчитывающие больше семи ипостасей. Но такого совершенства из их клана не достиг пока никто.

Льесса, стараясь и пыхтя, словно еж, продиралась сквозь кусты. Добыча цеплялась за торчащие тут и там ветки, оставляя на колючках клочки пуха, когда переменившийся ветер донес до нее страшный запах. Лисичка вздрогнула. Выпустила из пасти гуся, уселась на землю и сторожко принялась. Туша плюхнулась в траву, спугнув кузнечиков, но Льесса не обратила на них никакого внимания, хотя раньше никогда не упустила бы возможности погоняться за прыгучими насекомыми.

Пугающий запах плыл со стороны оставленного вчера села, щекотал чуткие ноздри, готовые разразиться чиханьем. Лисичка пыталась сообразить, что это за запах и почему он заставил насторожиться до испуганного замиранья маленького сердечка. В новом облике все казалось удивительно необычным, но дело, наверное, было не в этом, а в том, что одной из составляющих запаха точно являлась гарь. словно горело что-то сильно и на жарком огне. Но не так, как бывает, когда все жители села собирались возле огромного костра, смеялись, пели песни, жарили мясо, а кто посмелее, ловко прыгали через огонь под аплодисменты. Такой огонь не внушал ни страха, ни ужаса, только веселье. Здесь же веяло такой жутью, что хотелось бежать со всех лап, бросив тушу гуся на произвол судьбы. Но Льесса была не только зверем, но еще и девочкой, и прекрасно знала, что облик может взять верх, например советуя не подходить к человеческому жилью слишком близко. Но это обман. Один из многих. Поддашься раз, поддашься два, и облик заманит, закружит голову и не найдешь дороги домой, останешься зверем лесным или птицей.

Она нервно облизнула ставший вдруг сухим нос и поднялась было на лапы, когда с неба упал сокол. Лисичка испуганно подпрыгнула на месте. Сокол с усилием поднял веки на замутненных близкой смертью глазах и прохрипел:

- Беги!

И она побежала. Она бежала, пока ее лапы не устали, пока сердце не стало колотиться в горле, пока легкие не заболели от напряжения, затем упала и ползла. А когда сознание уже грозило покинуть маленькое измученное тело, забились в самую глубину разросшихся кустов боярышника и только тогда скользнула в благословенное беспмятство.

Глава 1

Магистр боевой магии Вешил въехал в город Большие Запруды ранним весенним утром. Утренняя зорька была еще по-весеннему холодной, но в воздухе все ощутимей пахло набухающими почками, свежестью первой травы, робко пробивающейся сквозь черную землю. Ростки упорно тянулись к солнцу, еще не такому жаркому, как бывает летом, но уже дарящему жизнь. Уставший за время долгого пути конь настойчиво тянул к ближайшей харчевне. Вешил вовсе не собирался мешать благородному животному (чье благородство было труднодоказуемо, так как родословной гнедой не имел и вообще был приобретен по случаю), его думы тоже склонялись к короткому отдыху, чистой по возможности постели и обязательно сытной кормежке как для себя, так и для коняги.

Большие Запруды назывались так из-за трех больших запруд, где откармливалась, вылавливалась, а затем солилась, вялилась, коптилась рыба. Стойкий запах рыбы (свежей и не очень), чешуи, внутренностей и прочих продуктов рыбного производства, казалось, напрочь пропитал все: дома, жителей, собак, кошек, мышей, землю, пролетающих мимо птиц, лошадей и сам воздух. По берегам запруд стояли лодки, сушились сети, бегали, шлепая босыми ногами по холодной воде, дети. Каждая семья гордилась своим особенным посолом, и рыбой из Больших Запруд не брезговали знатные семейства Рансильвани. И даже король не гнушался употребить парочку копченых лещей

или хорошо проявленную тарань под кружечку холодного, настоящего на особых травах пива. Хотя Вешил и сам весьма охотно закусывал пенный напиток вкусной рыбкой, но запах такой концентрации способен выбить из седла и менее привередливого человека.

– Хорошо, что я маг, – пробормотал мужчина и сотворил заклинание, отключающее обоняние.

Странное ощущение – не чувствовать запахов вообще, но теперь хотя бы не воняло. А как известно, из двух зол выбирают меньшее.

– Эй, любезный! – остановил он куда-то деловито спешащего горожанина. – Есть здесь трактир поприличней, да чтобы насекомые не заедали постояльцев до смерти?

«Любезный» притормозил, задумчиво почесал давно не мытый затылок и бросил на приезжего такой выразительный взгляд, что магу пришлось отжалеть информатору пару медных монет на кружку пива. Вдохновленный мздой горожанин тут же радостно сообщил, что лучшего пива, чем в «Веселом леще», господин маг отродясь не пробовал, а уж лещей там готовят так, что пальчики оближешь. И даже вызвался проводить до самых дверей, если добрый господин спонсирует его еще одним медяком. Вешил сильно сомневался, что такие грязные, как у прохожего, пальцы стоит облизывать, но монетку дал, справедливо рассудив, что самостоятельные поиски трактира займут массу сил и времени, а гнедого хорошо бы подковать: передняя левая подкова потерялась, а задняя правая держится на честном слове кузнеца, которому на обратном пути следовало бы набить морду. Если кузнечных дел мастер рассчитывал на безвременную кончину Вешила в Безымянном лесу, куда он держал свой путь, то зря надеется, он чисто из принципа переживет всю нежить, в изобилии гнездящуюся там.

«Веселый лещ» оказался довольно приличным заведением, если не обращать внимания на живописно разложенных у порога сомлевших посетителей. Ну не рассчитали ребята своих сил, пусть подышат свежим воздухом – в себя придут, значит. На вывеске красовался живописно намалеванный на диво пучеглазый лещ, танцующий на хвостовом плавнике прямо на сковородке, передними плавниками жизнерадостная рыбина держала огромную кружку пенного напитка. Видимо, лещ до своего запечатления неизвестным художником успел принять не одну емкость внутрь, ибо как еще объяснить радостную пляску

на сковороде.

В полумраке трактира прохлаждались три посетителя. Все трое пристроились в самом дальнем углу, норовя прикрыться внушительными кружками пива, и дружно вздрогнули, когда маг вошел внутрь. Из чего Вешил сделал вывод, что об их задушевном заседании вот-вот прознают супруги, вооружатся скалками и придут, дабы водворить отбившихся от рук благоверных обратно к семейному очагу. Внушительного вида хозяин, который вполне мог работать и вышибалой, экономя деньги семейного бизнеса, вольготно расположился за барной стойкой и лениво протирал полотенцем и без того чистые кружки. Зрелище весьма порадовало прибывшего мага. Далеко не в каждом заведении можно рассчитывать получить напиток в чистой посудине.

– Здоровы будьте, честная компания! – вежливо приветствовал Вешил присутствующих, памятуя, что лишней вежливостью не бывает, тем более в трех днях пути от Безымянного леса.

Перед тем как выдать ему задание для практической части диссертации на получение степени архимага, посвященной Безымянному лесу и богатому разнообразию нежити, проживающей в нем, глава совета магов Нилрем подробно описал соискателю дикие нравы глубинки. В окрестных селениях нежитью никого не удивишь, ее, почитай, каждый день хоть кто-то, но встретит, а вот маги заезжают не часто и еще реже покидают «гостеприимные» места целыми и невредимыми. Кто виноват в сложившейся ситуации, так сразу и не разберешь. То ли маги оказались слишком самонадеянны и не рассчитывали сил при встрече с лесными обитателями (а нежити предъявлять претензии нереально, потому как в большинстве своем к ней относятся необразованные твари, которые магов почитают за изысканный деликатес). То ли местное население, не избалованное вниманием столичных властей, ошибочно принимало колдунов за вредителей, гораздых только порчу наводить да выманивать нечисть из нор и злить ее почем зря.

– И тебе не хворать, – откликнулся владелец заведения, не отрываясь от своего занятия.

Троица мужиков насторожилась, явно ожидая от мага любой каверзы. Вешил спокойно прошествовал к стойке, готовый в любой момент занять оборону.

– Мне нужна комната на ночь, а также хороший кузнец, подковать лошадь. Найдется в городе такой умелец?

Серебряная монетка соблазнительно звякнула о полированное дерево стойки под жадным взглядом посетителей. Маг оглянулся; мужички хмуро уставились в собственные кружки, словно именно в них заключался единственный смысл их жизни, но он их совершенно не радовал.

– Есть такой. Как не найтись? – Голос хозяина «Веселого леща» стал более благожелательным, видимо, серебро смягчило его сердце.

То, что необдуманно демонстрировать наличие серебра местному населению было большой ошибкой, Вешил понял не сразу, а когда рекомендованный гостеприимным хозяином «Веселого леща» кузнец затребовал за услуги непомерную цену и сбавлять ее отказался напрочь. Маг скрипнул зубами, но предложенную цену заплатил и даже не пригрозил распоясавшемуся умельцу карой в виде проклятия. Нилрем недвусмысленно предупредил магистра, что на местное население угрозы если и действуют, то практически всегда выходят агрессору боком. Жрецы с магами никогда не ладили, а в удаленных селениях служители Всевышнего пользуются огромным авторитетом, и зарвавшийся маг мог запросто быть выброшен за околицу, как нашкодивший щенок. А ему не только отдохнуть, но и провизию прикупить в дорогу надо. Вешил мог бы поискать другого кузнеца, только в Больших Запрудах он был один, а до ближайшего села три дня пути. На хромой лошади и вся неделя уйти может.

Но неприятности на этом не кончились. Хотя следующее утро началось на диво замечательно. Солнце выползло из-за горизонта и собиралось рассияться вовсю, обещая ясный денек. Мастер-кузнец, содравший за каждую подкову по три серебряные монеты, дело свое знал, и подковы выглядели так, словно способны пережить самого коня по крайней мере вдвое. Вешил тяжело вздохнул, взнудал четвероногого друга, уложил в седельные сумки немудреные пожитки, кое-какую снедь, прикупленную в дорогу в трактире. Хотел шлепнуть по заду смазливую подавальщицу, но встретил суровый взгляд ее отца и передумал. Девчонок много, и там, куда он едет, наверняка найдется парочка сговорчивых, а в Запруды ему еще на обратном пути заехать придется, и неизвестно, в каком состоянии он будет пребывать после посещения Безымянного леса.

День перестал быть хорошим, когда, покинув относительно гостеприимный городок, конь, мерно протрусивший по наезженной, но практически безлюдной дороге весь день до самых сумерек, получил арбалетный болт в бок, взвизгнул и тяжело завалился на землю. Вешил спрыгнуть не успел, зато смог запустить магическим фаерболом в сторону, откуда, как ему показалось, стреляли. Раздался мощный взрыв, чьи-то вопли боли и ярости, и маг злорадно решил, что попал. Радовался он рано. Хотя действительно попал, и сомнений в этом теперь точно не было. Вылезти из-под бьющейся в предсмертной агонии лошади он не мог, оставалось вполглаза следить, чтобы не огрести свежеподкованными копытами и плести заклинание одновременно. «Эх! Только зря деньги потратил!» – тоскливо подумал он, но особо огорчаться было некогда.

Местные разбойники тоже оказались не лыком шиты и перед нападением на мага успели подстраховаться. Из кустов вывалилась дюжина мужиков, судя по зверскому выражению их лиц, с намерениями очень серьезными и далекими от радостных воплей: «Добро пожаловать, господин маг! Отведайте нашего хлеба-соли!» Да и в руках мужички крепко сжимали разнообразные арбалеты, пики, сабли и дреколье, что с караваем не перепутает даже убежденный оптимист. Вешил не стал ждать, когда решительно настроенные люди подойдут поближе и предложат сделать добровольное пожертвование в фонд «сырых и убогих, волею судеб проживающих в лесу в нечеловеческих условиях», и запустил в них полусформированным заклинанием, рассудив, что оно взорвется по-любому, просто результат взрыва непредсказуем, но так даже интереснее.

Как ни странно, нападавшие вовсе не убоялись и даже не расстроились. Они шустро спрятались за широкой спиной особо крупного мужика, чья давно не бритая физиономия страшно перекосилась в улыбке, явив на обозрение изрядно прореженные в многочисленных драках зубы. Заклинание мощно ударило чересчур жизнерадостного разбойника в грудь, подмяло хитрецов, укрывшихся за ним, проволокло по земле метров двадцать и звучно впечатало в дерево.

«Повезло!» – ошалело подумал обладатель широкой груди и антимагического амулета, закатив глазки и сползая по шершавому стволу сосны.

Дерево покачнулось и с душераздирающим скрипом рухнуло, потянув за собой группу социально опасных мужчин.

«Досадно! Такое заклинание пропало!» – сплюнул маг и удвоил попытки выбраться из-под гнедого.

Если бы не талисман, выигранный в кости после прошлого ограбления мага, оставшихся разбойников разметало бы на несколько метров вокруг, прервав тем самым их многолетнюю карьеру на ниве грабежа. Но, видимо, Всевышний в милости своей решил дать грешникам еще один шанс исправиться и ступить на путь покаяния. Только нападавшие отчего-то не спешили вступить на спасительный путь раскаяния, вместо этого вскочили на ноги, отряхнулись, как стая дворовых собак, взревели и пошли в наступление.

«Это конец! – обреченно подумал Вешил. – Но хрен я вам достанусь, с собой парочку точно прихвачу».

И стал плести еще одно заклинание, сильное и действенное. Оно грозило лишить его практически всего магического резерва, но зато давало мощный взрыв, способный уничтожить все вокруг.

В это время за спинами нападавших раздался дикий рев, и из-под поваленной сосны выскребся ящер размером с телка. Разбойники вздрогнули. Ящер зашипел и кинулся на них с прытью, невероятной для такого неуклюжего существа. С ощеренных клыков на землю с шипением падала ядовитая слюна.

– Ух ты! Плаксикус придорожнус! – искренне восхитился магистр. Он перестал плести заклинание, извлек из седельной сумки перо, кусок пергамента и принялся строчить со скоростью самописного пера, приговаривая вслух: – Та-а-ак... Плаксикус придорожнус – нежить из семейства ящеровидных. Селится преимущественно по обочинам проезжих дорог и нападает на одиноких путников. В зубах нежити содержится яд, не только умертвляющий свои жертвы, но и способствующий преобразованию внутренних тканей в студенистое вещество, годное для последующего пищеварения. После укушения жертвы ящер способен идти следом несколько часов, пока жертва не лишится сознания. Преследуя добычу, Плаксикус придорожнус издает плаксивые всхлипывания, отпугивая возможных конкурентов. В простонародье же нежить получила название Подкустовный выползень, так как преимущественно выползает из кустов. Встреченный мною довольно крупный экземпляр... та-а-ак... А какого же он размера? – покусывая кончик гусиного пера, спросил маг.

– А-а-а-а! – бодро откликнулись разбойники, в ужасе ломаясь через кусты.

– Ну вот как с такими работать? Надо было сначала измерить, а уж потом убегать. Я бы им и рулетку дал, – тяжело вздохнул Вешил. – До чего же местное население невежественное. И с этими людьми приходится двигать науку вперед! Однако надо бы выбирать. Как бы еще кто-нибудь не пришел.

И как в воду глядел. Плаксикус придорожнус немного погонял разбойников по кустам и полям да вернулся. Оно и понятно. Бегать за удирающей со скоростью бегового зайца добычей не так интересно, как употребить практически обездвиженного на дороге путника. Ящер вылез из кустов тихо и неожиданно для монстра подобных размеров – сказывалась многолетняя тренировка. Вешил вздрогнул, до него только что наконец дошло, что он почти неподвижен, а нежить уже проявила недюжинные способности к бегу на короткие дистанции. Маг забился под лошадиной тушей, как раненая птица со стрелой в крыле. Плаксикус не стал дожидаться исхода бестолковых трепыханий, рассудив, что сожрать лошадь вместе с всадником всяко лучше, чем просто лошадь, раззявил зубастую пасть и бросился в атаку. Мужчина плотно прижался к издохшему коню, и опасные зубы нежити прошли в нескольких миллиметрах от его головы и взрыли землю. Комья полетели во все стороны, из пасти монстра пахло такой несусветной вонью, что Вешил едва не задохнулся, горько пожалев об опрометчивой отмене заклинания против запахов.

– Ну и вонючка же ты! – борясь с рвотными позывами, выдохнул он и из последних сил рванулся к седельной сумке, к рукояти любимого меча.

Клинок был дорог и в магическом и в материальном смысле. В закаленную в горне горных гномов сталь вплетались заклинания на уровне сердечника. Маг-заклинатель расстарался, вложив, помимо основного заклятия против разрушения, еще и заклинания против нежити, да еще и самозатачивание. Такой клинок стоил баснословно дорого, а у Вешила еще и передавался по наследству. В бедре что-то хрустнуло, нога отозвалась дикой болью, в глазах появились круги, но слабеющие пальцы все-таки сжались на вожденной рукояти и что есть силы рванули меч к себе. Ящер разочарованно взревел и кинулся вновь. Хитроумная рептилия на сей раз решила цапнуть беззащитную ногу, лежащую на боку гнедого. Ее-то точно спрятать не удастся. Замерший в ужасе маг умудрился-таки дернуть конечность в сторону, и монстр с противным треском раздираемой плоти погрузил зубы в конскую тушу. Совершенно позабыв о том,

что Плаксикуса можно убить, только попав ему копьем либо мечом в глаз (в такие моменты как-то не до воспоминаний о лекциях по монстроведению), маг ткнул ревущему и брызжущему ядовитой слюной выползнию лезвием в нос. Клинок со скрежетом соскользнул с бронированной морды. Маг смачно выругался и добавил хорошего пинка.

- На, гад! Получи!

«Гад» расстроился еще больше. Зубы монстра увязли в туше, он мотал головой как собака, схватившая слишком большую кость и не желающая с ней расставаться, моргал желтыми глазами с змеиными вертикальными зрачками и утробно рычал. На Вешила снизошло озарение.

- О! Как это я мог забыть?! - шлепнул рукой по лбу он. - Плаксикуса придорожного можно убить только в глаз.

И стал тыкать уже более целенаправленно.

Монстр зашипел, собрался с силами, уперся четырьмя лапами и хвостом, взрыл землю и единым мощным рывком стащил злополучное животное с мага. С влажным хлюпаньем извлек увязшие зубы (часть, правда, осталась в туше, но тут уж было не до пересчета), распахнул бездонную пасть и бросился к ошеломленному Вешилу, явно намереваясь добить подранка. Маг попробовал отползти, но не преуспел и сделал единственное, что пришло в голову - выставил вперед руку с клинком. Зубы твари почти сомкнулись на руке мужчины. Ему повезло, можно сказать, впервые за этот день - рука попала на место, где зубы оказались выдранными (даже после смерти конь продолжал служить хозяину), и меч погрузился в беззащитное небо монстра. Яд вперемешку с кровью потек по руке, обжигая кожу. Предсмертный вопль монстра заглушил вопли самого мага. Подкустовный выползень встал на дыбы, молотя когтями воздух и безуспешно пытаясь вытащить меч из раны. «Не забыть записать... Рот Плаксикуса придорожного уязвим, и его вполне можно убить, воткнув меч в верхнее небо и поразив при этом мозг. Но лучше все-таки использовать для этих целей копье», - подумал Вешил. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, - это огромная туша монстра, неотвратимо надвигающаяся на него...

Сарат неторопливо трусил по дороге из Больших Запруд в родные Хренодерки на широкой спине сивого мерина. Конягу звали Мальчик, хотя эта кличка была дана ему примерно лет пятнадцать назад. Теперь же животное находилось на заслуженном отдыхе и годилось только для зимнего подвоза хвороста или бочки для полива капусты на огородах. Из-за абсолютного спокойствия мерина его запросто давали для работ даже детям, потому что испугаться и понести этот флегма в принципе не мог, а такой аллюр, как галоп, давно почитал недостойным своей почтенной особы.

Но все когда-то бывает в первый раз. Эту простую истину Сарат благополучно позабыл, горестно размышляя о том, что в родном селении все мужчины отправились в поход на нежить, нагло испортившую знатные поминки по ведьме. А сама ведьма умудрилась покинуть место своего захоронения и наделить огород хренодерского головы дивными посадками хрена, чьи корни не всякий мужчина обхватить сумеет – длины рук не хватит, да и прослезится, конечно, тоже. По всему видно, события в Хренодерках назревали интересные, времена наступали беспокойные. Тут бы парню проявить себя с лучшей стороны, покрыться славою геройскою с ног до головы, тогда, глядишь, и голова смягчился бы и благословил свою старшую дочку Доненьку за него замуж. Только вот сам хренодерский голова Панас Залесский вовсе не стремился породниться с бедным парнем, чье состояние исчерпывалось парой облезлых кур да почтенного возраста петухом. К тому же мужчина оказался злопамятен и вовсе не забыл, как водил парней сватать ведьму Светлолику, но те не только не очаровали лесную отшельницу, но и обозлили ее до крайности.

Тягостные думы парня были самым предательским образом прерваны нервным визгом внезапно вздыбившегося коня, узревшего проползавшую через дорогу гадюку. Не ожидавший такого финта от еще минуту назад еле передвигавшего копыта мерина Сарат удивленно подпрыгнул на месте, полностью позабыв, где находится, и грохнулся вниз в дорожную пыль, пребольно ударившись копчиком о землю. Сивый Мальчик, благополучно позабыв о своих почтенных летах, сделал скачков пятьдесят, неприлично вскидывая зад, но вспомнил, что он все-таки представитель благородного конского племени, затормозил и степенно принялся щипать траву, словно ничего не произошло. А парень на дороге сидит... Ну мало ли чего на дороге валяться может. Не на все же обращать внимание следует, хотя некоторые вещи лучше все-таки обойти.

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, зараза сивая! Ты чего, паразит, надумал брыкаться?! – искренне возмутился Сарат лошадиным произволом.

Мальчик повел ухом в сторону незадачливого всадника и отвернулся, рассудив, что такие грубые слова просто не могут относиться в его адрес. Пришлось парню подниматься на ноги и отправляться ловить свой транспорт. Обидно, а что делать? Не сидеть же в пыли весь день. Сарат потянулся, проверяя целостность костей и суставов, побил руками по льняным порткам, отчего они чище все равно не стали, погрозил наглой скотине кулаком и возблагодарил Всевышнего, что не сломал и не вывихнул чего-нибудь. На дороге, как на грех, никого нет, и помочь ему было бы некому. С другой стороны, в безлюдности пути тоже есть свои преимущества – свидетелей позорного падения тоже не было.

Сарат двинулся к коню. Животное покосилось в его сторону, как показалось парню, довольно злорадно, и сделало несколько шагов в сторону живописного луга. Мол, дороги людьми построены, сами по ним и топайте. Мне же и тут неплохо, а дальше и трава гуще будет.

– Но-но! Не балуй! – на всякий случай пригрозил мерину Сарат, но не сильно усердствовал.

Коняга передвигается гораздо быстрее, чем человек, чуть припустит – и ищи ветра в поле. Мальчик обернулся к незадачливому всаднику, затрепетал белесыми ресницами, как девица на выданье, увидев хромого, жутко косящего жениха, презрительно фыркнул и сделал пару шагов дальше. Сарат стиснул челюсти до зубовного скрежета, выдал «ласковую» улыбку, способную испугать медведя, протянул руку в сторону мерина и тихо, чтобы не спугнуть, принялся красться к нему. Конь оказался не промах, в благие намерения не поверил и прошел еще дальше. Парень глубоко вздохнул, успокоил себя, представляя, как бьет пятками злосчастную скотину, и осторожно двинулся за ним. Так они шли некоторое время, и неизвестно, где встретили бы утро следующего дня, если бы мерин чисто случайно не наступил на собственные поводья и не совершил вынужденную остановку. Парень не растерялся, тут же коршуном налетел на запутавшийся повод.

– У-у-у! Попалась, скотина безрогая! Вот я тебя! – замахнулся на мерина.

В ответ сивый удивленно захлопал глазками «О! И ты здесь? И как я тебя раньше не заметил?» Бить после этого конскую морду, пусть и очень хитроумную, тут же расхотелось. Сарат все же строго пригрозил для профилактики зловерной животине кулаком и оседлал коня. Мальчик издал глубокий мученический вздох, обернулся на всадника с укоризной во взоре, мол, на тебе пахать можно,

а у меня спина уже болит, слегка прогнулся в позвоночнике для особой убедительности и тронулся в путь, неторопливо и размеренно переставляя копыта.

Но уехали они недалеко. Сначала из-за очередного поворота показалась какая-то бесформенная куча, которая при ближайшем рассмотрении оказалась дохлой, распотрошенной лошадью, чей остекленевший взгляд с немым упреком уставился в голубое весеннее небо. Мальчик испуганно всхрапнул и загарцевал на месте, словно боевой конь в ожидании сигнала атаки от трубача. Вряд ли даже в далекой молодости мерин с такой страстью высоко вскидывал ноги. Держал хвост на отлете, храпел и закусывал удила. Сарат прекрасно понимал, что целая конская туша поперек дороги примета на порядок хуже, чем десяток черных кошек, важно прошествовавших прямо перед носом за бабой с пустыми ведрами. Да и страшные раны на боках свидетельствовали о хищнике приличного размера. С другой стороны, монстр вполне мог откусать и отправиться на боковую; греется на солнышке, переваривая сытную трапезу. В конце концов, на просторах Рансельвании не так много зверей, способных употребить лошадь целиком, разве что драконы. Но они обитали в горах и редко показывались окрест Больших Запруд.

Поэтому Сарат решил продолжить свой путь в родное село. И так задержался в дороге. Старый мерин всяко лучше путешествия на своих двоих, но Мальчик переставлял ноги со скоростью чуть большей, чем обычный пешеход. Что, конечно, не могло радовать нетерпеливого парня, чье отсутствие в селе могло отрицательно сказаться на постоянстве чувств невесты. В итоге парень предпочел спешиться и некоторое время повести испуганного мерина в поводу, так как заставить прошествовать мимо принявшего насильственную смерть сородича сидя верхом все равно не сможет.

Сарат крепко уцепился за повод (не хватало еще, чтобы конь вырвался из рук и малодушно показал хвост) и потянул отчаянно сопротивляющегося коня за собой. Мальчик храпел, фыркал, танцевал на месте, но после пятнадцати минут уговоров сдался и медленно тронулся следом. Парень утер рукавом пот, размазывая густо налипшую дорожную пыль по лицу, и глубоко с облегчением вздохнул, чего, как оказалось, делать не следовало. Тошнотворная гнилостная вонь тут же наполнила молодые легкие до краев, вызывая рвотные позывы в желудке такой силы, что аж глаза заслезились. Парнишка закашлялся и прибавил шаг. Мерин был другого мнения, торопиться в неизвестность явно не собирался и снова упрямо уперся всеми четырьмя ногами, словно упрямый

осел, завидевший опостылевший мельничный жернов. Парень выругался, но спорить с животным себе дороже – больше времени потеряешь. Поэтому страшное место обогнули по широкой дуге и, выйдя на дорогу чуть дальше, обнаружили зловонную тушу издохшего выползня, пригвоздившего своей тяжелой головой какого-то бездыханного бедолагу. Парень произнес краткую молитву Всевышнему, жалея, что не очень часто посещал в родных Хренодерках храм и вообще пустился в путь, в грехах не покайся, а в дороге, как известно, случиться может что угодно. «Хоть бы иконку какую взял или склянку со святой водой», – закручинился он. И в это время раздался исполненный муки стон.

От неожиданности парень и мерин дружно подпрыгнули на месте, явив собой редкое единодушие коня с всадником. Сначала Сарат подумал, что звук издал недобитый монстр, решил было задать стрекача и даже пробежал шагов пять, когда тихо, но весомо прозвучали слова:

– Помогите мне... Я маг... прислан к вам... отблагодарю.

Сарат затормозил так резко, что Мальчик смял и опрокинул его в пыль. Надо отдать должное пареню, поводьев он и лежа не выпустил. Подозревая, что на сей раз коняга небольшой прогулкой не ограничится, а дунет сразу до села, не теряя времени на остановки. Мерин честно проволоч своего незадачливого всадника метров пять, но потом то ли ему стало неудобно, то ли просто надоело везти парня волоком, но конь остановился, всхрапнул пару раз для порядка и принялся пощипывать молодую короткую травку на обочине. Вопреки своему характеру, парнишка даже не стал костерить своенравный копытный транспорт. Он лежал в пыли, даже не пытаясь подняться на ноги, и мучительно размышлял, как же следует поступить теперь.

Хренодерский парень посещал Большие Запруды не для праздной экскурсии, а был командирован жрецом Всевышнего отвезти в местный храм записку о появлении в селе подозрительных личностей, одна из которых нагло назвалась боевым магом из самой столицы, а другая вообще была оборотнем в волчьей ипостаси. А еще местную ведьму похоронили, и она чудесным образом воскресла, вылезла из собственной могилы и заявила к местному голове, чтобы наделить его огород замечательным урожаем хрена. Но Сарат никак не ожидал, что служитель Всевышнего в храме Больших Запруд окажется настолько скор в решении проблем и умудрится вызвать настоящего мага в столь сжатые сроки.

Магов побаивались, трепетали перед ними, но звали только в крайнем случае и активно не любили. Во-первых, потому, что даже самый плохонький маг имелся только в больших городах, а Запруды до такого недотягивали. Особо зажиточные купцы, приезжавшие с караваном закупать местную рыбу, предпочитали нанимать мага для охраны в складчину и даже возили с собой лари с магическим льдом, чтобы рыба не портилась. Такие лари для обычного жителя являлись настоящей диковинкой. Обычный ледник, почитай, в каждом уважающем себя доме был. Рыли глубокий погреб и зимой забивали в него лед с реки. В хорошем погребе лед до осени не истаявал до конца и продукты не портились. А во-вторых, даже за самую пустячную услугу мага драли втридорога и цен не сбавляли.

– Ох ты, лишенько! – испуганно пролепетал Сарат, представляя выражение лица Панаса, когда он расскажет, что присланный в помощь маг погиб, даже не проехав треть пути к Хренодеркам.

Наверняка зловредный голова поспешит спихнуть всю вину на несчастного парня, хотя он-то к лиходейству монстра не имел никакого отношения и всего лишь разминулсЯ с приездом. И то лишь потому, что Мальчик – животное надежное, но очень медленное. А у мага наверняка конь быстроногий был, но даже это не спасло несчастного от постигшей его ужасной кончины. Впрочем, если немного поразмыслить, в этом можно найти и положительную сторону – ехал бы вровень, лежали бы вместе. А так Сарат цел, невредим и при лошади.

– Эй! Ты еще жив? – на всякий случай поинтересовался парень, крепко помня, что от ведьм запросто можно огрести любых неприятностей, а маги – они еще зловреднее будут.

Мужик захрипел, завозился под тушей ящера, из чего хренодерчанин сделал неутешительный вывод, что тот все еще цепляется за жизнь. Связываться с магами себе дороже, но в данном случае маг мог оказаться злокозненным и выживет чисто из вредности. Чтобы потом испортить жизнь не оказавшего помощь селянина. «Придется помогать», – затосковал Сарат, кляня себя, что угораздило задержаться в Больших Запрудах, дабы прикупить невесте вкусной вяленой рыбки. Очень уж Доненька ее уважает. А такой рыбки ему нигде больше не купить. С тяжелым вздохом обреченного на смертную казнь, которому еще до помоста с виселицей предстоит тащиться под проливным дождем, как будто и без того мало неприятностей, Сарат привязал Мальчика к растущей на обочине

березке и отправился к пострадавшему.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что для того, чтобы сдвинуть тушу ящера, усилий одного человека маловато будет. Сарат пыхтел, упирался ногами, но не преуспел. Пришлось привлекать к делу Мальчика, который, ясное дело, в восторг от транспортируемого монстра не пришел. Это неудивительно. Редко кому нравится опутываться веревкой и тянуть за собой волоком этакую страшилую. Мерин храпел, пытался ударить по туше задними ногами, но веревочные узлы парень вязал на совесть; пришлось смириться со своей участью и идти куда скажут.

Маг представлял собой жалкое зрелище. Весь в ранах и кровоподтеках, кое-где наружу торчали обломки костей, на судорожно сжимавшей рукоять меча руке кожа висела клочьями. Непонятно каким чудом душа все еще цеплялась за поврежденное тело. И какое волшебство поможет Сарату отвезти полумертвого мага в Хренодерки? Что мужчину вполне можно доставить в Большие Запруды и они гораздо ближе, хренодерчанин отчего-то не догадался. Не догадался он и извлечь фамильную гордость мага – клинок гномьей ковки, который попросту не заметил в изуродованной пасти поверженного выползня. Как и не стал собирать разбросанный по дороге скарб, в котором присутствовали дорогостоящие амулеты.

Глава 2

Вяз Дубрович – леший известного на всю Рансильванию наличием большого разнообразия нежити Безымянного леса – задумчиво созерцал встречу местной ведьмы Светлолики с волчьим тотемом. Встреча происходила, как и положено, ночью, при полной луне, на тайной поляне. Одной из тех, что тщательно скрывались от взоров непосвященных в глубине леса. Заповедных полян осталось очень мало. Их давно сгубили люди, повадившиеся использовать как источники магической энергии все доступные места. Грубое вмешательство в хрупкое равновесие, складывающееся веками, быстро нарушало сложившийся баланс, и магические жилы подобного рода быстро иссякали, приходили в упадок или, что еще хуже, начинали работать наоборот, тянуть из окружающего пространства магию, как в бездонную воронку.

На обласканной ярким серебром лунного света поляне, с дольменами и танцующими древний танец светлячками, царила торжественная тишина. Хрупкая девушка среди огромных монолитов казалась особенно нереальной, как и беседа с серебряной светящейся волчицей, которая спокойно стояла рядом, положив лобастую голову на плечо Светлолики. Здоровенный серый вервольф в компании белой и черной вервольфиц смирно сидел в некотором отдалении, чтобы не мешать свободному общению, но встать на защиту, если таковая понадобится.

Вяз Дубрович являлся не единственным наблюдателем редкой сцены. Вожак местных двуипостасных Олек, находясь в своем зверином обличье, с невыразимым благоговением смотрел, как Светлолика, оказавшаяся ведьмой, меняющей облик, знакомится с тотемом. На вершине дерева задумчиво восседал Валсидал Алукард, только на днях сбежавший из замка-тюрьмы Сартакля. Пусть весь род вампиров официально считался истребленным, это вовсе не мешало магической элите держать последних, некогда гордых представителей племени кровососущих в антисанитарных условиях тюремных камер. Сартакль славился тем, что за тысячелетнюю историю замка никто из опасных узников замка так и не смог совершить побег. Валсидал оказался первым, кому это удалось, и что вызвало озабоченное волнение в совете магов.

– Ты вот что... – Леший хлопнул оборотня по холке, чтобы он точно знал, что обращаются к нему, заставив Олека присесть от неожиданности и удивленно крякнуть. – Поохотился бы, что ли. Сварил девке супчик какой... Ну или картошечки с мясом потушил. Насколько мне известно, разговор может затянуться, а потом меняющие облик такими голодными становятся, жуть. Аж сам порой пугаюсь.

Вожак двуипостасных не имел обыкновения быть на побегушках у кого-либо. Но, во-первых, лешему хамить себе дороже. Убивать Вяз не станет, а жизнь испортит на диво. Во-вторых, Олек имел на девицу брачные планы, правда, сама невеста пока не была в курсе намерений. Двуипостасный мудро решил не ошарашивать Светлолику внезапным счастьем, а подвести к разговору осторожно, не травмируя нежную психику столь радостным известием. Нужно ведь сначала поухаживать, приучить девицу к мысли, что брак с двуипостасным имеет свои преимущества и поставка свежей дичи к столу не последнее из них. Поэтому вместо того, чтобы огрызнуться, злобно клацнуть зубами и заявить, что он не охотничья собачка, приносящая дичь по первому требованию, а уважающий себя вожак сообщества двуипостасных, Олек кивнул и с тихим

шорохом исчез в лесу, словно и не было его вовсе.

Вяз Дубрович оценил, одобрительно кивнув. Он, правда, не знал о планах Олека насчет Светлолики, но подумал, что, если удастся свести парочку вместе, брак может выйти очень и очень удачным. Валсидал же пригорюнился. Ему предложить оголодавшей ведьме было нечего. А ведь он почти сделал из нее упырицу... и в ответ никакой признательности. Люди вообще на диво неблагодарные создания. Да, упыри – создания ночи, питаются кровью и привязаны к своему создателю, зато они обретали бессмертие, а это несомненный плюс. Хотя насчет еды имелись у него некоторые идеи. Вампир до того возгордился, что чуть не упал с дерева, но в последний момент удержался. Если верить легендам, лешие – народ суровый.

Ведьма покинула поляну примерно через девять дней. Тот факт, что она умудрилась провести столь долгий срок без воды и еды, вызывал в наблюдателях за общением с тотемом искренний интерес, а в вампире откровенную зависть. На охоте ему решительно не везло, и Валсидал опасался, что впадет в спячку. В этом свете на Лютого он смотрел уже с гастрономическим интересом. Впрочем, на вервольфах девятидневное воздержание тоже никак не сказалось. Разумеется, и Олек, и леший, и вампир покидали свой пост не единожды. Вампир пытался перекусить, но смог изловить только влюбленного ежа, чья более шустрая подруга благополучно успела сделать ноги. Добывание крови из колючего зверя больше походило на акт садомазохизма, чем полноценную еду. Валсидал больно исколол себе руки, ноги, губы, полночи со слезами на глазах выдергивал из самых неожиданных мест застрявшие иголки, и все ради мизерных трех глотков крови. После такого жалкого ужина, кроме досады и чувства вины перед усекновенным зверьком, он ничего не испытывал. А в желудке словно поселилась какая-то воронка, настоятельно требующая пищи и противно сосущая внутри.

– Ну как? – Вяз Дубрович даже слегка подался вперед от любопытства, что степенному лешему было не свойственно. – Объяснила она, куда девать оборотней?

Светлолика смерила Олека задумчивым взглядом светло-серых, с зелеными искорками глаз, словно подозревала двуипостасного в излишней болтливости. Вожак ответил спокойным взглядом, отчего девушка стала подозревать его еще больше.

– Не совсем, – задумчиво молвила она и предъявила заинтригованному лешему внушительного вида фолиант в обложке из тисненой кожи неизвестного происхождения с массивными золотыми застежками по бокам. – Она дала мне это... ну, как это называется...

– Знаменитая волчья книга! – любезно подсказал Валсидал, свешиваясь со своей ветки, чтобы рассмотреть раритет поближе.

И тут же огреб фолиантом по заинтересованной занимательным чтивом физиономии, ухнул от боли и убрался на дерево повыше от греха подальше.

– Нет. Серебряная сказала, что это... инструкция по эксплуатации. Вот.

– Инструкция по эксплуатации, деревня! Ведьма ты темная! Сначала читать научись, а уж потом драться начинай, – обиженно прокомментировал вампир с безопасного расстояния. – Книжки пишут, чтобы читали и знаний набирались, а не били людей по лицу.

– А ты не человек, – напомнил Олек, прикидывая, имеет смысл слазить наверх и проучить наглеца или же подождать до удобного случая, когда ведьмы с ними не будет.

Женщины народ жалостливый. Это волчицы выбирают самого сильного самца, а человеческие самки сначала пожалеют какого-то доходягу, а потом всю жизнь с ним мучаются.

– Это к делу не относится, – фыркнул Валсидал.

– А я слышала, что иногда знания крепко вбивают в головы учащихся, – задумчиво протянула Светлолика, демонстративно взвешивая увесистый том в руках на предмет метания его в зарвавшегося кровососа.

Вампир прикинул расстояние. На первый взгляд не так-то просто добросить. А с другой стороны, ведьма же. С нее станется.

– Ладно-ладно. Читайте или просто разглядывайте картинки. Мне-то какое дело? – уронил он и как бы невзначай полез повыше, почти на самую верхушку.

– М-да, – протянул леший, поскреб веткой зазеленевшую по-весеннему шевелюру. – Такую книжку, пожалуй, до седых волос читать будешь, да и внукам много нечитанных страниц останется.

В это время Валсидал пришел к выводу, что неплохо бы воспользоваться нерешительностью соперника и взять инициативу в свои когтистые руки. Пока দুইপостасный занят разглядыванием научного труда, предложенного к прочтению ведьме, он, как истинный кавалер, успеет раздобыть для нее прекрасный обед, раз на романтический ужин рассчитывать не приходится. Вампир осторожно перебрался на соседнее дерево. Благо ветки касались друг друга.

Лютый пришел точно к такому же выводу. Рывкнув вервольфицам, чтобы не спускали глаз с ведьмы (оборотню, вечно крутящемуся возле девицы, он совершенно не доверял), а сам отправился на поиски съестного.

Боевой маг Флоднег и его однокурсник полуэльф Т мирно сидели на одной из многочисленных полян Безымянного леса возле уютно потрескивающего пламени костра, на котором аппетитно булькала наваристая каша с мясом. В отличие от светлых эльфов, темные вполне себе употребляли животную пищу, да и половина крови Т была человеческой, так что он не испытывал угрызений совести, подстрелив парочку зайцев на обед. Кашеварил тоже он, добавляя в кашу разнообразные травы, отчего от будущей трапезы шел просто умопомрачительный запах, заставлявший желудки голодных магов замирать в мучительном предвкушении трапезы.

– Может, уже готово? – судорожно сглотнул набежавшую слюну Флоднег.

Т ответил непреклонным взглядом пронзительно-зеленых глаз.

– Терпение, мой друг, является неоспоримой добродетелью людей, а магов в особенности, – назидательным тоном молвил он, отчего Флоднегу до зуда в руках захотелось дать полуэльфу знатный подзатыльник и посмотреть, насколько у того хватит добродетели, чтобы не ответить тем же.

Что Т безропотно стерпит сей произвол, у Флоднега были большие сомнения. Оставалось только оттачивать внутреннее совершенство вдумчивой медитацией на еду.

В это время на поляну к магам осторожно, практически полуползком выбрался серый вервольф с рваным ухом.

– Лютый! – воскликнул пораженный Флоднег, но что дальше предпринять, не знал.

Попытаться погладить? Без руки можно остаться запросто. Подозвать? Так Лютый и раньше людей не особо жаловал, и сейчас может неправильно понять. «Надо было попросить Т захватить запасной ошейник подчинения, – с тоской подумал он. – Как же теперь вервольфов водворять в родную стаю?»

Т так и застыл с черпаком, которым только что помешивал аппетитное варево, тоже не понимая, как следует себя вести с диким на вид экземпляром, решившим вдруг поиграть в домашнего любимца.

Лютый же униженно лег на пузо, пополз, виляя хвостом и преданно заглядывая в глаза мужчинам. Т вздрогнул, Флоднег чуть не перекрестился, шокированный миролюбивым настроением прежде всегда свирепого зверя. Стараясь не делать резких движений, Флоднег осторожно поднялся на ноги и стал отступать к деревьям, рассчитывая быстро влезть, если вервольф внезапно кинется. Т был умным, глупые полукровки редко выживают, потому воткнул черпак в кашу, с точностью повторил маневр наставника вервольфов и только потом спросил:

– Что это с ним?

– Думаю, бешенство, – потрясенно выдавил Флоднег. – Проклятый Безымянный лес! Какой генофонд гибнет!

Т ошарашенно кивнул, не выпуская, однако, из поля зрения странно ведущего себя зверя. Вдруг кинется? С этими оборотнями держи ухо остро.

– А почему у него пены нет? Нам в академии говорили, что у бешеного животного всегда пена капает. – Полуэльф осторожно попробовал ствол ближайшего дерева на прочность и остался доволен результатом. Выдержит его и вервольфа, хотя последнего лучше бы не надо.

– Зато сам к людям идет... Верный признак.

Лютый же между тем, видя, что маги не спешат принимать его в свою тесную компанию, совершенно не расстроился, а поравнявшись с костром, осторожно сцапал палку с висящим на ней котелком, из которого одинокой свечой торчала ручка черпака, и ленивой трусцой покинул поляну.

– Он нас ограбил! – то ли восхитился, то ли расстроился Флоднег.

– Да-а, ловко провернул, ничего не скажешь, – подтвердил Т.

– Вот смотрю я на вас и удивляюсь, – раздался за спиной вкрадчивый, с придыханием голос, заставивший мужчин синхронно подпрыгнуть. – Вроде бы боевые маги, дипломированные специалисты... А позволили увести обед какой-то бродячей шавке-переростку. Стыдно за вас, господа. Очень стыдно!

– А ты сам кто? – ошарашенно поинтересовался раскритикованный Флоднег, жалея, что не догадался даже сотворить боевой пульсар.

– Кто-кто? – мерзким голосом передразнил неизвестный. – Вампир в пальто.

– Вампир?! – дружно обрадовались маги. – Тебя-то нам и надо!

В руках у мужчин синхронно возникли фаерболы.

– Ой, а чего это вы? Зачем же так бурно реагировать на критику? Я вовсе не хотел вас обидеть! – испуганно взвизгнул Валсидал, прикинув, чем грозит ему сплоченная атака пары магов, и ринулся сквозь кусты, не дожидаясь демонстрации боевых возможностей.

– Куда?! – синхронно крикнули мужчины и кинулись следом.

Возглавив забег, вампир в очередной раз проклинал свой язык и заодно неудавшуюся упырицу, из-за которой все время приходится убегать.

Олек готов был рвать волосы на себе, а лучше, конечно, на наглom вервольфе, когда Лютый бесшумно вынырнул из чащи и с гордым видом добытчика вручил ведьме котелок с кашей. Над едой поднимался ароматный парок, а из середины

торчала ручка черпака. «Обо всем позаботился, зараза, – закручинился двуипостасный. – И главное, где стащил, морда хитрая? Не сам же он умудрился такое сварганить?» Светлолика не могла нарадоваться подношению, не скупилась на похвалы и все время почесывала зверя за ухом. Вяз Дубрович пригвоздил укоризненным взглядом вождя двуипостасных, отчего Олеку отчаянно захотелось провалиться на месте, и демонстративно похвалил вервольфа:

– Какой он у тебя, однако, молодец!

Светлолика просияла, словно интеллектуальные способности вервольфа были целиком ее личной заслугой.

– Да, он замечательный. Может, пойдем куда-нибудь перекусим? Что-то есть хочется.

Употреблять пищу прямо на поляне почему-то казалось сродни святотатству.

– Немудрено. Девять дней без воды и еды – это вам не кабан чихнул, – авторитетно заявил леший.

– Девять дней? – ахнула ведьма. – У меня ж дома коза не доена!

И помчалась по направлению к дому, умудрившись безошибочно найти тайную тропу, на которую без лешего выйти практически невозможно. Следом рванули вервольфы.

– Куда, заполошная? – крикнул в спину Вяз. – У тебя же там кот на хозяйстве остался!

Но Лика уже не слышала воплей лешего.

– Эх, молодость, молодость! – махнул сучковатой рукой он, вспоминая нечто далекое и настолько приятное, что на зеленой шевелюре один за другим стали распускаться белые крупные цветы.

Воспользовавшись паузой, Олек решил было откланяться, но тут Вяз вынырнул из сладкого царства грез и воззрился на вождя пронзительными зелеными

глазами.

- Ты бы поухаживал за девкой, что ли, - не то подумал вслух, не то просто так предложил он.

Оборотень смущенно потупился, шаркнул по земле ножкой, обутой в сапог, и выдал тяжелый вздох:

- Так как за ней ухаживать-то... ведьма же.

- Ага. А ты весь такой белый и пушистый, - скептически проскрипел леший. - Или ты того? Суеверный?

- Да нет вроде, - пожал плечами оборотень. - Просто с волчицами проще как-то.

Вяз иронично хмыкнул.

- А с девкою обычной все сложно? Цветов ей подари. Меду там какого, сладостей. Девки, они страсть как сладкое любят, - посоветовал он.

- А зачем ей цветы? - опешил Олек. - Их на любой поляне полно, чай, в лесу живем. А от сладкого только зубы портятся.

Леший понял, что и тут, наверное, Светлолице ничего не светит. Очень уж запущенный случай.

- Эх, вожак! - вздохнул леший. - Нет в тебе ентого... романтизьму. Ты думаешь, девкам от тебя цветы нужны?

- А разве нет? - совершенно запутался оборотень. - Если растения ей ни к чему, зачем же тогда их дарить?

- Внимание ей от тебя нужно, вот что. - Для пущей доходчивости Вяз даже постучал по лбу двуипостасного пальцем-веткой. - Она должна заботу твою ощущать.

– Вон оно что... – поразился Олек. Впрочем, волчицы тоже любили, когда будущий муж показывал себя хорошим добытчиком и рачительным хозяином еще до свадьбы.

Это был не последний показатель при принятии двуипостасной решения, нужно ли заводить от такого волчат или нет.

Светлолика зря волновалась о недоеной козе. Ее черный кот выгодно отличался от местных мурлык не только наличием имени с отчеством вкупе с даром человеческой речи, но еще и деловитостью. Маньку Дорофеем Тимофеевич доил регулярно (молоко он и сам любил), таскал для нее сено из прошлогодних стожков селян и даже позволял немного пастись на активно пробивающейся травке, справедливо рассудив, что такую заразу двурогую ни одна нежить не схарчит, повезет, если сама нечисть ноги унесет. Так что в отсутствие ведьмы кот поживал неплохо, а на досуге занимался разбором на диво захламленной кладовки, злорадно предавая явно ненужное хламье огню. Как в такое маленькое на вид помещение может вместиться столько вещей, оставалось загадкой, но костер горел все девять дней не переставая. Измотанный генеральной уборкой кот не менее двадцати раз собирался махнуть на все лапой, но стискивал волю в когтистый кулак и продолжал разгребать авгиевы конюшни. Волею случая проходящие мимо селяне видели непрерывно горящий огонь, вздрагивали, истово крестились, стараясь пробежать побыстрее. И потом ставили в храме свечку, радуясь, что ведьма их не заметила. А то мало ли что затевает разобиженная на селян лесная отшельница.

Как ни странно, у уборки имелись и плюсы. Например, в самом неожиданном месте в кладовке обнаружилась старая тетрадь в зеленом кожаном переплете с записями матери Светлолики, Льессы. Несколько дней Дорофеем фырчал, ерошил пушистый черный хвост, расшифровывая затейливые закорючки, местами налезавшие друг на друга, а где-то и вовсе настолько неразборчивые, что ими хорошо секретные послания шпионам в сопредельные государства писать. Ни свои, ни чужие ни в жизнь не догадаются, что имелось в виду – зато шифр изобретать не надо.

– Кто же так пишет?! – патетически восклицал кот, возводя голубые глаза к потолку, но и там не находил ответа на поставленный вопрос.

На потолке виднелась паутина; пара юрких паучков слаженно трудилась над ловчей сетью, не покладая лап. Но они то ли не понимали человеческую

речь кота, то ли были не в состоянии проникнуться всей важностью вопроса. Озарение свыше тоже не снисходило. Дорофей издал мученический вздох, тщательно разгладил пушистыми лапками пожелтевшие от времени страницы и принялся за дешифровку. Кто знает, вдруг судьба ему улыбнется и обнаружится редкий рецепт уникальной хреновой самогонки. Но мечте не суждено было сбыться. В дверь застучали с такой силой, словно рассчитывали снести ее с петель. От неожиданности кот подпрыгнул на месте, закрыл лапами уши и зашипел, как обычный кошак.

Сарат (а самозабвенно молотил в тяжелую дверь ведьминской избы именно он) небезосновательно гордился своей изобретательностью, так как умудрился соорудить из подручных средств волокушу для травмированного мага, втащить раненого на нее и довести до дверей ведьмы. То, что Большие Запруды к месту усекновения Подкустовного выползня расположены гораздо ближе, чем Хренодерки, ничуть не смутило парня, и Вешил пережил это путешествие скорее вопреки стараниям спасителя, чем благодаря им. В очередной раз вынырнув из забытья, маг с удивлением увидел, как знакомый встрепанный русоволосый парень, облаченный в широкие домотканые порты из небеленого льна, заправленные в носки, рубаху-косоворотку и выдавшие лучшие времена лапти, отчаянно дубасит в дверь рубленой избы, а изба в ответ скалится деревянными колыями и рычит.

«Чего только не привидится», – ошеломленно подумал Вешил и даже несколько раз моргнул, чтобы прогнать видение.

Ставни избы с грохотом распахнулись. Сарату очень повезло, что он стоял не там, иначе ведьма к своему возвращению непременно обзавелась бы замечательным отпечатком застывшего в недоумении селянина прямо на собственной стене. На широкий подоконник тяжело вспрыгнул упитанный черный, без единого белого волоса, пушистый кот. Лениво поточил серповидные когти о деревянную поверхность и с интересом уставился на долбящего, как увлеченный дятел, парня голубыми глазами.

– Мр-р-ну-у? – протяжно спросил он. – Чего стучим?

Но парень не услышал вежливый вопрос кошки, продолжая вдохновенно избивать несчастную дверь. Вешил же, увидев, как черный кот пытается что-то втолковать парню, полностью уверился в посетивших его галлюцинациях. Дорофей понял, что докричаться сквозь грохот просто нереально, покинул

насиженное место, мягко спрыгнул на землю, дернул пушистой лапкой за штанину и повторил вопрос:

– Любезный, чего надо-то?

Но от него отмахнулись, лягнув ногой, словно лошадь, которая смахивает надоевшего слепня. Кот совершил тройное сальто через спину, приземлился на четыре лапы, как истинный представитель семейства кошачьих, возмущенно фыркнул и погрозил кулаком супостату.

– Ну, погоди ты у меня! Я тебе покажу, как благородными котами разбрасываться!

Возможно, угроза так и осталась бы угрозой, если бы не пасшаяся неподалеку Манька. Привязанная к колышку серая, с черной полосой на морде коза спокойно пощипывала себе сочную травку, прекрасно понимая, что до чужака веревка не дотянется, и с сожалением косилась на селянина желтыми глазами. Дорофей буквально облагодетельствовал рогатую, отвязав веревку и делая широкий жест в сторону Сарата. Мол, действуй на свое усмотрение. Манька не стала стыдливо отводить глаза, кокетливо отнекиваясь от свалившегося на нее счастья, издала воинственное «ме-э-э» и понеслась в атаку со скоростью осадного тарана. Встречу «тарана» с целью озаменовал дикий вопль, головокружительный прыжок вверх и площадная брань явно не предназначенная для дамских ушей. Единственной особой женского пола на поляне была коза, которая тут же оскорбилась, как и положено истинной леди, и наподдала сквернослову для профилактики.

Дорофей Тимофеевич злорадно потер лапы, наблюдая за унижением парня. Но радовался он недолго. Нрав деревенских коз лишь немногим уступал скверному характеру ведьмы, и если перед ведьмой жители робели, опасаясь злокозненного проклятия, то с козами справлялись даже маленькие дети, которых летом отправляли животных пасти. Поэтому как только эффект внезапности миновал, Сарат взял себя в руки, схватил скотину за веревку и вознамерился отвесить ей хорошего пинка. Но хозяйственный Дорофей не позволил свершиться акту возмездия. Как-никак молоко Манька давала знатное, а побои могут отрицательно сказаться на удое.

– Эй, любезный! – грозно рявкнул кот, вздыбив шерсть, чтобы казаться размером побольше. – Ты пошто животное тиранить?

Сарат изумленно воззрился на говорящего кота. Манька воспользовалась моментом, боднула парня в бедро и рванулась так, что парень не только упал в пыль, но и проехал метров двадцать, прежде чем догадался отпустить злополучную веревку из рук. Коза победно взбрыкнула и поскакала в чащу.

– Светлолика тебе этого ни за что не простит! – злорадно констатировал кот. – Единственную скотину в доме – и ту прогнал. Вот скажи мне, наивный селянин, какая от вас ведьме польза? Загончик и сарай просила – не построили. Кур и тех не донесли – по лесу расшвыряли, лишь бы ей не досталось. А теперь еще и козу прогнал, супостат.

Парень впал в ступор. Проживавшая в лесу ведьма и раньше кротостью нрава не отличалась, а тут такая промашка вышла. И как ни крути, кот прав. Следов строительства на поляне, где жила лесная отшельница, не наблюдалось. Скорее всего, хренодерский голова в очередной раз рассудил, что обещанного три года ждут, вот и не торопился выполнять обещание.

– А ведьма-то сама где? – осторожно поинтересовался парень, будто это был вопрос не первостепенной важности.

– Да ушла она к лешему, – тяжело вздохнул Дорофей, который уже начинал волноваться за долго отсутствующую хозяйку. – Давно уж, дней девять или десять назад.

Отсутствие ведьмы по постоянному месту жительства окончательно деморализовало парня.

– Как же так? – горестно спросил он небеса, поражаясь обрушившемуся на Хренодерки несчастью. – Ну, закопали ее разок, и что? Бросать нас теперь? Что я голове скажу?

Перспектива сообщить страшную весть Панасу удручала до шума в ушах. Голова и так не питал к набивающемуся в зятя хренодерчанину особой приязни, а тут и вовсе прибить может. Да и ведьма тоже хороша – нельзя оставить без присмотра, сразу мигрировать норовит.

– Было бы из-за чего рвать на себе волосы, – философски заметил кот.

– Да? А вот это как раз очень хочется, – шмыгнул носом Сарат, проклиная тот час, когда его угораздило выехать из Больших Запруд.

Ну что стоило покинуть их раньше? Или задержаться на полдня. Авось мага обнаружил бы кто-нибудь еще, а парень благополучно доехал до дома и угощал бы теперь Доненьку рыбкой.

– Подумаешь, Светлолика к лешему пошла! Так пообщается и вернется, – добавил Дорофей и принялся с интересом изучать волокушу с лежащим на ней телом. Мерин с опаской покосился на невиданного говорящего зверя, но решил, что при таких скромных размерах он, наверное, не очень опасен, а если что – убежать всегда успеет, и продолжал щипать траву вытянутыми в трубочку губами. – А труп ты зря привез к нам. Зачем нам нужна эта падаль? Мы мертвецов не воскрешаем, мы енто... не некромансеры.

Сарат отмер и удивленно вытаращился на кота:

– Так маг уже умер?

– Он еще и маг? – вопросом на вопрос ответил Дорофей и осторожно потыкал в тело палкой, словно боялся, что не подающий признаков жизни маг вскочит на ноги, сделает пальцами «козу» и крикнет «бу!». Вешил слегка приоткрыл глаза и застонал. Из чего кот сделал вывод, что мужчина пока жив, но, скорее всего, это ненадолго. – Однако и правда жив... – озадаченно почесал пушистой лапой затылок кот. – Вот скажи мне, грозный селянин, если ты так уработал мага, прикопал бы его где-нибудь на обочине, и все шито-крыто. Зачем было его тащить в такую даль? Ведь даже я вижу, что не жилец.

Сарат жалостливо шмыгнул носом. Что делать, если ведьмы не будет дома, он не подумал. Но тут кусты затрещали и на поляну выскочила Светлолика собственной персоной, крепко сжимая в руке котелок. Ведьма попробовала притормозить, но по инерции проскакала еще несколько шагов и сначала метко съездила массивным котелком Сарату по уху, сбив парня с ног, затем сама же споткнулась о поверженное тело и упала сверху, чудом не перевернув емкость с едой.

– Закусай тебя упырь! – в сердцах вскрикнула девушка, с трудом выравнивая дыхание. – В родном лесу и шагу ступить невозможно, чтобы не наткнуться на какого-нибудь жителя Хренодерок. Что теперь придумали? Новый план извести меня?

Сарат лежал ни жив ни мертв и вообще старался не дышать, пытаясь не усугубить и так нелегкое положение. Разумеется, Светлолика имела все основания подозревать его в злом умысле. Хотя сама же и сбила парня с ног.

– Ты посмотри, какую жуткую отбивную он нам привез, – тут же наябедничал кот, ткнув лапкой в сторону мерина с волокушей. – К тому же это маг.

Девушка окончательно расстроилась. Магов любить у нее тоже причин не было. К ведьмам они относились хуже жрецов и к тому же были на порядок опаснее. Если служители Всевышнего яростно предавали ведьм анафеме и призывали паству гнать противных Богу колдуний взащей, то маги норовили попросту убрать конкурентов.

Вешил с трудом разлепил грозившие закрыться навсегда веки и попытался сфокусировать мутнеющий взгляд светло-серых глаз на фигуре ведьмы. Девушка скептически хмыкнула, увидев все еще теплящуюся жизнь в практически разрушенном теле, задумчиво покрутила блондинистый локон указательным пальцем и кивнула своим мыслям.

– Ладно. Дорофей Тимофеевич, принеси Сарату лопату.

– Зачем? – опешил парень и на всякий случай сделал два шага назад, чтобы успеть сбежать.

Тут уж не до сохранности мерина, самому бы унести ноги. Мало ли что надумала лесная отшельница. После последних событий вполне могла обозлиться и устроить массовое захоронение селян в компании магов, благо в Безымянном лесу места хоть отбавляй.

– Ямку копать будешь, – подтвердила самые страшные опасения селянина Светлолика. – Думаю, во-о-он там в самый раз будет.

Сарат покачнулся и стал белее снега зимой.

– Зачем ямку? – на всякий случай переспросил парень, почти готовый задать стрекача, ревя как перепуганный теленок.

– Для компании, – нагло мурлыкнул кошкак и торжественно вручил окончательно деморализованному парню орудие труда.

Еле волоча ноги, как приговоренный к месту казни, тот потащился на трудовые работы.

– Глубоко не копай, – напутствовала добровольца Светлолика. – Так, чтобы только землей слегка присыпать, и хорошо будет.

Вяз Дубрович подошел к поляне в компании Олека и с ходу оценил обстановку.

– Мага притащили, – презрительно фыркнул он. – Им что, медом здесь намазано? Повадились шляться туда-сюда. Даже в Безымянном лесу покоя нет!

Двуипостасный тоже не стал заявлять о своем присутствии. С магами здороваться себе дороже. Это по их вине двуипостасные стали вымирающей расой, как и многие другие, включая меняющих облик. Конкретно от этого индивида в волокуше пахло кровью и близкой смертью, и это обстоятельство не могло не огорчать Олека. По его мнению, человеческие женщины падки на всяких убогих, самоотверженно возятся с ними, как со слепыми щенками, ограждают от волнений этого мира и гордятся своей беззаветной преданностью.

– Ты бы взял ведро и сбегал к озеру за целебной глиной! – скрипучий голос лешего бесцеремонно вырвал двуипостасного из состояния задумчивости.

– Зачем? – невольно процитировал Олек Сарата.

– На голову Светлолике выльешь, – фыркнул Вяз, но поймал ошарашенный взгляд янтарных глаз и понял, что мужчина принял его слова слишком близко к сердцу. – Ей этого мага придется по частям собирать, а что ей поможет лучше, чем ведерко хорошей целебной глины, что возле Ведьмина озера можно набрать? Глина и с исцелением пособит, и сломанные кости зафиксирует. Она

же когда застывает, тверже камня становится. Так что ты ведро бери старенькое, поплоче – все равно выбросить придется.

Двупостасный сильно сомневался, что о маге вообще стоило заботиться. Он почти не жилец, и никакая глина этого не исправит. Так стоит ли напрягаться? Прикопали бы его в лесу по-тихому, и все. Безымянный лес бережно хранит свои тайны. Но спорить с Вязом Олек не стал. К тому же, если окружить ведьму ненавязчивым, но уместным вниманием, это поставит против его имени в списке претендентов на хрупкую руку Светлолики жирную галочку.

Привычный к сельским работам Сарат управился с ямой довольно быстро. Пот лил с парня градом, но он вгрызался в грунт, не зная лопаты, с упорством обезумевшего крота. Дорофей Тимофеевич тоже не сидел сложа лапы, натаскал березовых веток с недавно распустившимися зелеными листочками. Щелкнул по носу козу Маньку, вылезшую откуда-то из кустарника, как только угроза со стороны уязвленного козьими рогами селянина миновала, деловито напоил мерина, благодарно фыркнувшего в ответ. Закончив свою яму, парень гордо обозрел деяние рук своих, воткнул лопату в земляной холмик, отер трудовой пот со лба и без предупреждения ринулся в чащу с воплями:

– Спасите! Помогите! Заживо погребают! Умираю молодым!

Но на помощь Сарату никто не кинулся. Местные обитатели поспешили убраться с дороги. На тех, кто не успел, безжалостно потоптались крепкие ноги в лаптях. Флоднег и Т, запекавшие щедро обмазанное глиной мясо в углях, успели шарахнуться в разные стороны, прежде чем парень опрометью вылетел на поляну. Он резвым жеребчиком прогалопировал по углям, изрядно попинал обед магов, поджег собственные лапти и помчался дальше, обгоняя два самонаводящиеся фаербола, выпущенных двумя обозленными магами.

– Дикий здесь народ, – констатировал Т. – Так от голода загнуться можно.

– Или научимся употреблять мясо сырым и сами одичаем, – согласился Флоднег, печально рассматривая попрунное лаптями мясо, безжалостно втоптанное в золу.

Теперь оно скорее напоминало стельку в донельзя изношенном сапоге, чем еду.

– Чего это он? – удивленно протянула Светлолика, которую внезапный старт Сарата застал врасплох.

– Да кто его знает? – пожал пушистыми плечами Дорофей. – Может, он дома чайник забыл на плите, а теперь вспомнил. – Скажи лучше, что ты с этим объектом делать будешь? – Кот в который раз с сомнением во взоре осмотрел лежащего на волокуше мага. – Может, ну его, это лечение? Прикопаем в лесу и скажем, что не видели никогда этой колдовской морды.

– Слишком просто, – усмехнулась ведьма. – Я давно хотела попробовать один ритуал, но он очень сложный. Да и добровольцев не было.

Вешил, до которого сквозь туман полузабытья донеслась последняя фраза девушки, понял, что мучительная смерть от укуса Плаксикуса придорожнуса не самый худший вариант, и благоразумно потерял сознание.

Олек вынырнул из леса и торжественно, словно корону на церемонии миропомазания на царство, вручил ведьме ведро с глиной. Светлолика тоже преисполнилась королевского величия и приняла ведро с видом достойным императрицы. Подозрительно косящиеся в сторону двуипостасного вервольфы с лихвой заменяли королевскую гвардию. Сцену несколько портила серая коза, которая невзлюбила мужчину с первого взгляда, но, как зачастую свойственно особам женского пола, свою неприязнь сразу не показала, а дождалась удобного случая, когда ничего не подозревающий Олек обернется к ней задом, и от души боднула оставленный без присмотра филей. Двуипостасный взвыл и обогатил лексикон ведьмы новыми ругательствами.

Дорофей мертвой хваткой вцепился в веревку и изо всех сил пытался удержать Маньку, идущую на второй заход. Но что мог противопоставить кот, пусть и чуть больше обычных дворовых мурлык размером, целеустремленной рогатой скотине? Вот и волочился котейка за козой на веревке, оглашая окрестности оглушительными воплями, плавно переходящими в ультразвук. Сделав полукруг по поляне, коза вышла на финишную прямую и застыла, пристально вглядываясь в противника. Дорофей вздохнул с облегчением, поднялся на задние лапы, потирая ушибленные места, и костерил зловердное животное на чем свет стоит, от волнения переходя на злобное мяуканье.

Олек впери́л в поставщика молочных продуктов ведьминского стола взгляд уже янтарных волчьих глаз. Как истинному двуипостасному, ему были ведомы тайны частичной трансформации. Хотя не всегда представлялся случай продемонстрировать подобные способности. Глаза зверя на человеческом лице смотрелись жутко, а уж пристальный взгляд способен напугать до икотных колик даже медведя. Но коза была не робкого десятка – как-никак выросла возле Безымянного леса и за свою козью жизнь повидала больше, чем иной практикующий боевой маг. Она издала воинственное «ме!» и заскребла раздвоенным копытом землю.

Глядя на эту картину, Светлолика стойко боролась с приступами смеха и все сильнее прижимала к себе ведро с глиной, потому вмешаться в драматические события не могла.

Олек покосился на веселящуюся ведьму и фыркнул про себя. Смех, конечно, дело хорошее, но становиться посмешищем в его планы точно не входило. С другой стороны, бить животное, принадлежащее девушке, на чье трепетное сердце имеешь виды, не очень дальновидно. Пока он решал про себя, как выйти из сложившейся ситуации, чтобы и лицо не потерять и девушку не обидеть, коза стартовала. Веревка между ней и котом натянулась. Слишком поздно Дорофей понял, что зря он намотал на лапу веревку, и с оглушительным мявом покатился следом, тщетно пытаясь затормозить. Задние лапы кота распахивали лесную подстилку, оставляя за собой две глубокие борозды, вполне пригодные для посадки картофеля. Олек с интересом наблюдал за приближением упряжки, подпустил животное поближе и коротко рявкнул прямо в наглуую козью морду. Манька сразу поняла, что несколько погорячилась с выбором жертвы, и резко свернула, не добегая до мишени. Веревка треснула, и кот с обрывком привязи, зажатым в лапе, упал в объятия ошарашенного двуипостасного.

– А ты сильный! – ничуть не смутился таким поворотом событий кошак. – Светлолика, а может, он нам поможет енто́го доходягу в ямку упаковать? Сами-то мы точно не дотащим, а его еще глиной нужно обмазать.

– Зачем в ямку? – опешил Олек. Он, конечно, был не против оказать помощь лесной отшельнице, но, с его точки зрения, переводить лечебную глину на мага прежде его похорон слишком накладно. Прикопал, и ладно. Зачем же создавать себе трудности? Да еще и в глине... – Запекать, что ли, будете? – догадался он.

Светлолика с интересом оглядела двупостасного светло-серыми, с зелеными искорками глазами, словно всерьез решала, а не разнообразить ли свой рацион еще одним блюдом, раз оно так мило пришло в гости самостоятельно. Затем заправила золотистый локон за ухо и многозначительно протянула:

- Ну да... Что-то вроде.

Очнувшийся было Вешил понял, что сделал это зря, и снова благо разумно потерял сознание. И правильно сделал, так как избавил себя от лишней боли при раздевании, мытье травяными настоями и бережной упаковке сначала в глину, затем в выложенную березовыми ветками и пучками трав яму. Причем Олек предлагал ампутировать некоторые ненужные с его точки зрения части – все равно их сложно собирать, а маг и без них вполне может обойтись. Дорофеев Тимофеевич голосовал за это решение сразу четырьмя лапами, искренне недоумевая, зачем мужику сразу две ноги и две руки, – пусть радуется, что хоть что-то осталось. А упертая ведьма кокетливо предлагала отправиться обоим к лешему и продолжить дискуссию там. Сам леший стоял в тени деревьев и в спор не мешался, хотя точно знал, что магов лечить – занятие неблагодарное, завсегда себе дороже выходит.

Как бы там ни было, спустя несколько часов упорной работы помятый выползнем маг был густо обмазан глиной и больше напоминал глиняный годем, чем живое существо. Светлолика с чувством потянулась, смахнула со лба трудовой пот, осмотрела деяния рук своих и осталась вполне довольна.

- Вот что, вы пока его прикопайте, а я, пожалуй, пойду вздремну. А то ночка та еще выдастся, – распорядилась она и направилась к избе, но на полпути остановилась, вспомнив еще кое-что. – Да... всего закапывать не надо – голову-то снаружи оставьте, а то задохнется.

Теперь можно было и отдохнуть с чувством выполненного долга.

- Вот где в этой жизни справедливость? – ни к кому, собственно, не обращаясь, спросил Олек. – Я к ней со всем уважением, а в итоге мага приходится закапывать.

- Скажи спасибо, что в могилке лежишь не ты, – ехидно сообщил вампир, который не мог простить двупостасному своевременно принесенную грязь.

– Кому сказать спасибо? – вкрадчиво поинтересовался вожак. – Уж не тебе ли? А ты спустишь на землю, я сразу поблагодарю тебя от всей души.

Предложение звучало угрожающе. Валсидал ехидно фыркнул с дерева, не спеша знакомиться с двуипостасным поближе. Это только с виду волчий облик у них пушистый, а когти очень даже острые. Знакомиться с ними более детально вампир вовсе не горел желанием.

– Благодарствую, мне и здесь хорошо, – хмыкнул он с ветки и на всякий случай перебрался повыше, чтобы более громоздкий Олек точно его не достал.

Как известно, в отличие от обычных волков, двуипостасные лазают по деревьям очень даже неплохо, им стрясти с дерева зарвавшегося вампира раз плюнуть. Но тут в перепалку вмешался Вяз Дубрович. Он хватил сучковатой рукой по дубу, на котором, словно ворона, восседал Валсидал Алукард. Дерево ощутимо трянуло, вампир соскользнул, едва не упал, но вовремя уцепился когтями за сук, совершил головокружительный акробатический этюд, узрев который цирковые гимнасты облезли бы от зависти, и снова оседлал ветку, закогтившись чисто на всякий случай.

– Хватит тебе препираться с упырем! Нашел собеседника! Ты бы еще с комаром пообщался, – скептически скрипнул леший.

– Я не упырь и не комар! – Валсидал чуть не свалился с дерева от возмущения, но вовремя спохватился.

Он не чувствовал в себе достаточно сил для драки, да и бегать по лесу уже устал. Вампир не был противником физических нагрузок, но нужно и меру знать.

– Да? – хмыкнул леший. – А питаешься чем? Кровью. Значит, комар и есть, только переросток. Ентот, как его... мутант.

– Мутант, – ехидно поправил Валсидал. – Сначала говорить правильно научитесь, а потом уж ярлыки навешивайте.

– Так в словах главное не произношение. А смысл, в них вкладываемый, – философски изрек Вяз и переключился на Олека: – А ты вместо того, чтобы

в теньке прохлаждаться, лучше бы думал, как успех развить в отношениях с ведьмой. Тем более что совместный труд сближает.

- И что же мне делать дальше? - заинтересовался вожак.

- А это уж тебе решать, - откликнулся леший. - Не все же по подсказкам жить, надо и самому усилия приложить, значит. Тем ценнее награда будет.

Олек перевел взгляд потрясенных глаз цвета темного янтаря на Дорофея Тимофеевича. Пушистый любимец ведьмы недоуменно пожал плечами, нахально самоустранившись от решения проблемы с уходом двуипостасного, и пошел поить мерина. Расседлать натруженного конягу кот не мог, а отвести на водопой - запросто.

Оставленный наедине с горем, Олек задумчиво взъерошил темные волосы.

- М-да. Что-то определенно надо делать. Но что? Вот в чем вопрос...

Глава 3

Сарат влетел в деревню Хренодерки как камень, пущенный из пращи. Крепкие ноги селянина, обутые в дымящиеся лапти, протопали по улице, распугивая кур, кошек, заставляя даже знакомых собак захлебываться злобным лаем и рвать цепи, грозя утащить будку за собой. Редкие прохожие благоразумно отпрыгивали в сторону, чтобы не быть сбитыми и затоптанными односельчанином. Затем непременно поминали его родню добрым словом, потом чесали в затылке и отправлялись следом, считая, раз человек так торопится, значит что-то стряслось. А новости лучше узнавать, стоя в первом ряду.

Парень резво забежал во двор к голове, хлопнул калиткой, взбудоражил своим появлением лохматого пса, запнулся о выступающий из земли корень и рухнул на землю. Один из самонаводящихся фаерболов ударил в хрен и взорвался, засыпав ошметками крупных (величиной с хорошее дерево) овощей весь участок головы и наградив замечательным котлованом размером с небольшое озеро. Сарату повезло - взрывной волной второй фаербол отнесло в сторону. Он

сдетонировал о сарай, разметав соломенную крышу по округе. Сверху прилетел один из тлеющих лаптей, сорванных с ног парня, второй упал точно на крышу дома головы. Оба строения занялись веселыми языками пламени.

– Ну ничего себе! – потрясенно выдохнул Сарат, обозрев принесенные разрушения. – Теперь точно Доненьку не отдаст.

Голова деревни Хренодерки, названной так за обильное произрастание хрена как на ее территории, так и близ нее, сидел за столом в своей высокой рубленой избе и наблюдал за тем, как жена с дочерьми накрывают на стол обедать. Глядел он на обычную суету женщин осуждающе, как инквизитор церкви Всевышнего на разгул нежити и еретиков. Перебрал Панас вчера самогонки в «Пьяном поросенке».

Дело в том, что в Хренодерки уже несколько дней съезжались холостые парни с разных концов Рансильвании. Список претендентов на руку и сердце лесной отшельницы составлялся всей мужской половиной Хренодерок, письма благополучно разослали, не утаив от женихов, кого именно им предлагается сосватать. На отклик, конечно, надеялись, дружно держали пальцы скрещенными на удачу и робко рассчитывали на приезд хотя бы двух-трех смельчаков из разряда совсем невезучих в любви.

На удивление хренодерчан народ повалил валом. Местные сначала обрадовались, а затем крепко призадумались. Если на ведьму такой спрос, может, и самим такая невеста нужна, а тут какие-то пришлые понаехали. Хренодерские девки достали из сундуков парадные платья, со слезами на глазах выпросили у матерей ожерелья, украсили волосы лентами. Что ни день у них гулянье, что ни вечер – посиделки. Все с песнями, плясками, прибаутками. И плясать успевают, и рукодельничать. На парней поглядывают, умениями своими хвастают. Хренодерские парни, наоборот, ходят мрачные. Девки к ним уже привычные, а пришлые – лица новые, на них посмотреть – удовольствие. Так что обстановка в селе была напряженная.

А тут еще и бабы взбеленились. Им пришлых парней кормить – выгоды никакой. Каждый день зудят да пилят, чтобы вел к ведьме на погляд. Кого выберет – останется. А кто не ко двору придется – тем в путь до дому собираться.

Голова же хоть и ростом велик, плечами широк да обликом могуч, как тот дуб вековой, а к ведьме идти не то чтобы боялся, просто слегка опасался. Да что он – все в селе не просто опасались, а боялись в лес ходить до мокрых штанов и икотных колик. Местную ведьму (не со зла, конечно, ибо кто в своем уме решится просто по злему умыслу насолить ведьме, ведь проклянет – мало не покажется) приняли за мертвую и сначала похоронили со всеми почестями, а потом еще хотели избу спалить, приняв сидящего внутри говорящего кота за поселившуюся там нежить. Так ведь ведьма и впрямь не дышала. Бледная и холодная была, а котов говорящих в Хренодерках отродясь не водилось. Попутались. С кем не бывает? Но ведьма отчего-то расстроилась. Девять дней на ее поляне непрерывно горел костер, повергая хренодерчан в суеверный ужас. Люди перестали ходить через лес. Потому как справедливо полагали, что лесная отшельница готовит нечто ужасное. Теперь в соседние села безопаснее было ходить не через лес, а по самому его краю. Далековато, конечно, но жизнь всем дорога. Если же край нужно было пройти лесом, готовились заранее, прощались с близкими (вдруг больше не увидятся), шли в храм Всевышнего на исповедь, ставили свечку за здравие. Затем одевались во все чистое (чтобы потом не заморачиваться с переодеванием перед похоронами) и шли, творя молитву, осеняя себя крестным знаменем и крепко сжимая икону святого Николуса, покровителя путешественников.

Панас как раз гадал, как именно намекнуть жене своей Параскеве, что неплохо бы к обеду приурочить чарку самогонки или кружечку холодного пивка из погреба, когда резко хлопнула калитка, захлебнулся лаем сидящий на привязи кобель, что-то громко бабахнуло и раздался истошный вопль, наводящий ужас на всякого владельца деревянных построек:

– Пожар!

Первой из дома выскочила младшая дочь Ареска с куклой и кошкой наперевес. Второй Ксанка с материнной скалкой и парадным платьем. Следом выбежала Доненька, крепко держа в руках горшок наваристых щей. Как истинный капитан терпящего бедствие судна, Панас выскочил последним, умудрившись одновременно выволочь наружу дородную жену и два деревянных ведра с водой. Ведра тут же пригодились.

Прибежавшие следом за Саратом хренодерчане тут же вступили в неравный бой с огнем. Выстроились в цепь и принялись передавать ведра с водой. Дом отстояли. А от сарая остались одни головешки. Зато животных успели спасти;

они галдящим стадом рассредоточились по селу, проявив при этом немалую прыть, причем злобный козел умудрился оседлать конек соседского дома и теперь блекотал оттуда что-то явно ругательное, гневно тряся бородой.

– Сарат! – возопил Панас, глядя на виновника всех бед как огородник, узревший полосатого жука на листьях картофеля. – Как тебя понимать? Зачем ты мне дом поджег?!

Пораженный чудесным спасением от магических снарядов парень распахнул свои голубые глаза на обозленного мужчину и выдавил:

– Ведьма... там.... – Для уточнения парень даже ткнул перепачканной рукой в сторону леса.

Присутствующие потрясенно замерли. Возразить было нечего. Лесная отшельница действительно была там, где-то в глубинах Безымянного леса. И что она задумала, никто точно не знал... но это что-то наверняка невыразимо ужасное.

– Что – ведьма?! – выверился голова, на которого одно лишь упоминание о лесной отшельнице действовало примерно так же, как красная тряпка на матерого быка-производителя.

Сарат горестно всхлипнул.

– Она мага закопала, – трагически выдавил он.

Окружающие разом вздохнули. Эвон ведьма как сильна! Цельного мага закопала! Не каждая эдак исхитрится. Маги, они за здорово живешь не дадут себя в яму засунуть, молниями начнут кидаться, заклинаниями всякими.

– А маг-то какой? Из вольных или из столицы приехал? – подал голос вездесущий дед Налим, проворно работая локтями и клюкой проталкиваясь в первые ряды. – А то, может, задрипанный какой, а мы и уши-то развесили? Ты не томи обчество, давай излагай как есть.

Парнишка понял, что сегодня его, наверное, не убьют. Видно, не пробил еще его час предстать перед очами Всевышнего. Сарат шмыгнул носом, залез на перевернутую вверх дном бочку и начал проникновенный, захватывающий рассказ о своих приключениях. Из его слов выходило, что мага он встретил, выезжая из Больших Запруд, и тот, по-отечески выслушав рассказ о многочисленных бедах, нежданно-негаданно свалившихся на Хренодерки, проникся к сельчанам, чей неукротимый дух не смогли сломить бесчисленные несчастья, теплотой и пообещал помочь. Но только выехали они из города, как нечисть, непонятно каким образом прознавшая о том, что едет в Хренодерки долгожданная подмога (видно, в Больших Запрудах у хренодерской нечисти родня проживает), накинулась на путников, сверкая глазищами огромными, как площадки, угрожая когтями величиной с косу и зубами с хороший охотничий нож. И грянула битва неравная. Мерин Мальчик показал себя добрым конем и бил по врагам копытами довольно метко. Лошадь же мага пала сразу, и пришлось взять бедолагу-колдуна к себе в седло. Бились они с нечистью три дня и три ночи без роздыха и с переменным успехом. А когда встала заря четвертого утра, взмолилась нежить не своим голосом: мол, пощади нас, богатырь хренодерский, дети малые дома плачут, мяса просят, кто же, кроме родителей, покормит сиротинушек. И дрогнуло сердце мага. Отвлекся он, слезу утирая набежавшую, а нежить только и ждала этого, ударила всей мощью своей, и ранила товарища Сарата. Но сам хренодерчанин не оплошал и добил супостата буквально пинками, а потом долго топтал ногами. Израненного соратника доставил он Светлолице на излечение, а та рассмеялась глумливо (ибо ведьма она, и над добрыми людьми ей глумиться по статусу положено), натравила на Сарата сначала козу, а затем бросила ему вслед молоньи. Но, совершив стратегическое отступление (ибо негоже такому славному богатырю воевать с женщинами), видел парень, как девица зарывает в могилу мага нездешнего.

Конец повествования окружающие дослушивали с открытыми от удивления ртами.

– Во заливает! Прямо заслушаешься! – восхитилась бабка Дорофея, с недавних пор ходившая в молодых женах благодаря повальному нежеланию местных парней пасть жертвой любвеобильности лесной отшельницы.

Ибо каждому ребенку известно, что ведьмы зело охочи до мужчин и кто в их руки загребушие попадает, назад не возвращается.

– Кто? Я? – возмутился парень.

- Ну не я же, - игриво хихикнула бабка.

Сарат гордо подбоченился и хотел было вернуть что-нибудь язвительное, но вместо старухи взгляд нашел рыжую Алкефу, чьи и без того глубокие вырезы на блузках с приездом новых парней стали еще откровеннее, и покраснел. Кокетка самодовольно улыбнулась. Доненька, заметив перемигивания возможного жениха с селянкой, которую путные бабы грозились побить раза три на неделе, отвесила ему крепкий подзатыльник, чтобы сразу привыкал к руке супруги и узнавал ее среди прочих, а саму Алкефу удостоила многозначительного взгляда. Впрочем, селянка ничуть не смутилась, хозяйски взяла под руку своего высокого мужа, презрительно скривила пухлые губы, - мол, вашего мне даром не надо, свое девать некуда.

- Голова, - прервал затянувшееся молчание дед Налим. - А ведь Светлолика обещала твой сарай сжечь... Ну, когда ты ее избу чуть не пожег.

Народ потрясенно уставился на Налима, как на пророка, сошедшего с небес, дабы донести до них волю Всевышнего.

- А ведь и правда, - пронесся по мужским рядам тихий ропот.

- Ведьма... - только и смог выдавить Панас, раздавленный постигшим его горем.

Женское население деревни не было посвящено в подробности похода вооруженных кружками со святой водой мужчин на испортившую поминки по ведьме нежить, поэтому уставилось на сильный пол пристально и внимательно. Мужчины занервничали, внезапно вспоминая, что дома осталось множество недоделанных дел и вообще поздно уже... Но тут отмерла Параскева, и в руках ее, как по мановению волшебной палочки, возникла скалка. Когда она забрала ее у Ксанки, никто так и не понял.

- Панас, - многозначительно выдавила она, и взгляд ее обещал мужу в лучшем случае неделю на сеновале, а в худшем... Позовет свою мать на год, и тогда уж лучше Панасу повеситься на остатках сгоревшего сарая, чтобы избавиться от грядущих страданий. - Это когда же вас, оглоедов, угораздило вывести из себя Светлолику настолько, что она обещала сарай сжечь?

Голова потупился. Мужчина он был крепкий, но за годы семейной жизни четко усвоил, что спорить с супругой, когда она в гневе, опасно для жизни. Лучше подождать с доводами. Пока она остынет. Ну или вообще... промолчать.

- Да мы того... этого... - многообещающе начал он, но так и не смог подобрать слов для объяснения событий на ведьминой поляне. Причем именно тогда все действия казались правильными. А сейчас он сильно сомневался, что стоило вот так рубить сплеча и грозить избе ведьмы поджогом.

- Не шуми так, Параскева, - вмешался дед Налим, чем заслужил от головы благодарный взгляд. - Мы здесь все виноваты. Ведьма завела говорящего кота, а мы приняли его за нежить, поселившуюся в доме после кончины хозяйки, и хотели очистить место огнем.

- Вы хотели сжечь ее дом? - испуганно ахнула жена головы и с опаской покосилась в сторону леса, словно вездесущая ведьма могла подслушать.

На двор опустилась гнетущая тишина. Женщины испуганно прикрыли рот передниками, кончиками платков или просто ладошками, горестно с надрывом заревел ребенок, сидевший на руках у матери, злобно заблекотал стоящий на крыше козел, на околице душевно, с переливами, завывала чья-то собака. Такого ужаса в Хренодерках не помнили даже старожилы.

В этот момент всеобщей скорби к месту событий подошла старейшая жительница Хренодерок бабка Рагнеда. Согбенную старушку, едва передвигающую слабые ноги, под руки вели две внучки.

Параскева отвлеклась от испепеления взглядом супруга (как показала практика, дело это совершенно бесперспективное, и ни один из экспериментов, проведенных ранее, успехом так и не увенчался), дала подзатыльник Доненьке, чтобы не зевала.

- Видишь, почтенная Рагнеда устала? Быстренько принеси ей стул.

Доненька обиженно покосилась на мать, но перечить поостереглась, хоть и получила от матери на глазах жениха за собственную недогадливость. Стул принесла быстро и выбрала парадный, с красивой резной спинкой и ножками. И подушечку вышитую не забыла, чтобы вдове предыдущего головы удобнее

сидеть было.

Бабка сощурила подслеповатые глаза на солнце, благодарно улыбнулась беззубым ртом и устроилась поудобнее. Параскева не стала откладывать дело в долгий ящик и вкратце пояснила ситуацию:

– Ты мудрая женщина, – склонила голову она. – Посоветуй нам, как теперь умилостивить ведьму? Ведь обозлили ее окончательно, а посевы на урожай заговаривать надо.

– Да-а-а, – пожевав губами, задумчиво протянула старуха и оперлась морщинистым подбородком на руки, скрещенные на клюке. – Заварили вы кашу, маслом не исправишь... Да и хрен с твоего огорода тоже надо бы убрать.

– Да леший с хреном-то этим! – махнула рукой Параскева. – Вон его взрывом-то весь выкорчевало. Сарата в помощь возьмем и как-нибудь весь перетрем в бочки да на ярмарку свезем. Авось раскупят овощ, в убытке не останемся.

Мужички уважительно зацокали. Ишь какая у Панаса баба умная! Как славно все придумала. Хрен многие выращивают, но такого ядреного, как в Хренодерках, нигде не растет. Этак она и убытки от потери сарайчика отобьет.

– А с ямой-то этой что делать станешь? – не удержалась Алкефа, которой мужское внимание к кому-то, кроме себя, всегда поперек горла вставало. Она даже чуть одернула блузку, спустив еще ниже и без того рискованный вырез. – Таковую яму небось без посторонней помощи не закопаешь.

Все дружно уставились на котлован. Яма вышла на зависть. Если подровнять да сверху сруб поставить, в такой погреб всем селом можно картофель складывать, и все равно место останется.

– Подумаешь, яма! Нашла проблему. Чуть углубим, и неплохой прудок получится. Панас утят да гусят с озера натаскает – зимой с мясом будем, – фыркнула Параскева, которую смутить было не так-то просто.

Теперь и женщины стали смотреть на жену головы с восхищением. Вот какая умница! Все ей в хозяйстве пригодится, из всего пользу извлечет. Народ

одобрительно зашумел. Всем идея выращивать свою птицу понравилась. Гуси да утки на домашнем откорме жирнее будут. Да и птенцов по гнездам набрать проще, чем потом по пояс в воде лазить, вылавливая тушки подстреленной птицы и отгоняя прожорливую нечисть. Иной раз больше половины тушек ненасытные монстры пожрут и не подавятся, заразы такие.

– Я вот как думаю, – торжественно изрекла Рагнеда.

Все разом заткнулись и уставились на старейшину, как на статую Всевышнего, с благоговением на лицах.

– Девку вы сильно расстроили. Неспроста она мага закопала – значит, осерчала не на шутку. Трогать ее с мелкими нуждами не советую. Сначала следует выполнить обещания, что дали, да женихов пришлых представить. Женское счастье составит – успокоится. А хозяйством обзаведется, в благодушное настроение придет. Тогда, даст Всевышний, все в свое русло войдет.

– А как же маг? – потрясенно выдавил Сарат, который все никак не мог смириться с людским равнодушием по отношению к печальной участи мага.

– О, маг! Спасибо, что напомнил. Где, ты сказал, она закопала мага? – Взгляд подслеповатых глаз Рагнеды безуспешно пытался сфокусироваться на встрепанном, как воробей, русоволосом парне.

– Так перед домом. Прямо на поляне и закопала, – шмыгнул носом тот.

– Плохо... – пригорюнилась бабка.

Сарат воспрянул духом. Может, теперь Рагнеда передумает, проникнется жалостью к несчастному страдальцу, кинет клич, и пойдут всем миром отбивать погребенного у злобной ведьмы?

– Панас, надо будет, как ведьма поостынет, перезахоронить, – вынесла приговор бабка, заставив голову и Сарата тяжело вздохнуть.

– Да куда же мне его девать, бабка Рагнеда?

– В Безымянном лесу места свободного много. Оттащишь подальше да прикопаешь где, чтобы и с собаками не нашли.

У Панаса и так забот было выше крыши. Перезахоронение магов явно не входило в первые строчки списка ближайших дел. Маги, они народ зловредный, на порядок ведьмы хуже будут – могут и после смерти проклясть запросто и вообще в умертвие какое превратиться, тогда вообще с ним сладу не будет. Да и просто так маги не пропадают. Это с поисками селян могут особо не заморачиваться, был – и нету, весь вышел. А магов всегда ищут. Видно, ценный они народ, раз по ним так убиваются.

– Так как же это, Рагнеда, – ахнул Панас, аж присев от удивления. – Перекопать дело не хитрое. А как дознаватель по делу пожалует да спрашивать начнет? Что говорить станем?

– Правду, Панас. Чистую правду, и ничего более, – наставительно прошамкала бабка, чем ввела голову в окончательное недоумение. – Скажем, в лесу где-то маг. Как пошел в него, так и не видели его более живым. Пусть ищут.

Народ пораженно вздохнул, потрясенный хитроумием старухи. Вот ведь бабка-продуманка – сколько лет живет, а из ума так и не выжила. Это же надо такую штуку выдумать умом своим бабским, что не каждый мужик до такого докумекает.

– А как нам с посевами быть? – поинтересовался кто-то из задних рядов. – Ежели ведьму сейчас не побеспокоить, так совсем без урожая остаться можно.

Селяне одобрительно загалдели. Без урожая остаться никто не желал, да еще и на лес надеяться в этом году не приходится. Неизвестно, что лучше – встретиться с обозленной ведьмой или провести полуголодный год. У некоторых рачительных хозяев еще оставались некоторые излишки в погребах, немногие счастливые обладатели лишних продуктов торопливо подсчитывали в уме, дотянут ли до следующего урожая. По всему выходило, что если и дотянут, то с большим натягом. Народ загрустил.

– Еще мой прадед говаривал, – нарушила затянувшееся молчание Рагнеда. – «Был бы в мае дождь и гром – на хрена нам маг нужен?» Надоть к деду Тарасюку идти. Он наверняка знает, как дождь закликать.

Хренодерчане дружно закивали. Тарасюк был хорошо известен в селе, проживал на самой окраине в приземистой хате, крытой соломой, и слыл в Хренодерках кем-то вроде ведуна или дальнего родственника колдунам. Злые языки поговаривали, что в роду у Тарасюка были то ли колдуны, то ли черти, то ли далекая прапрабабка его вышивала полотенца крестом, но на окне до сей поры стояла большая корявая раковина, очень страшная на вид. Да такая жуткая, что народ, приходя в избу, завсегда пугался и втайне от хозяина дома крестился. Разве человек, который с чертями дружбу не водит, станет держать в избе этакую страсть? Конечно, нет. На такую пакость не только взглянуть, но и плюнуть противно. Потому все в деревне считали Тарасюка человеком, знающим нужные слова, и бегали к нему, когда требовалось заговорить что-нибудь по мелочи, а ведьму тревожить опасались.

Так что с Рагнедой согласились все. И решили двинуть к Тарасюку всем миром, чтобы уж точно никого дождь не обошел, потому что он поленился лишний крюк до окраины сделать.

– Панас! – встрепенулась внезапно бабка. – Так ты не забудь парней-то ведьме представить. А то ведь загостились у нас гости дорогие, пора бы и честь знать.

Голова пригорюнился. Идти к ведьме не хотелось ни сейчас, ни потом. Прошрое сватовство ничем хорошим не закончилось, и у Панаса не было причин думать, что и сейчас что-то изменится. Но спорить не стал.

К Тарасюку шли дружно, всем селом, с мрачными и решительными лицами. Впереди важно шествовала Параскева со скалкой в руке, позади всех волочилась за внучками Рагнеда. Замечательный крестный ход получился, только икон, знамен и крестов не хватало для пущего сходства. Приезжие парни с удивлением смотрели на целенаправленно топающую куда-то толпу и в конце концов тоже присоединились, чисто позырить, куда народ чешет в таком количестве. На все расспросы хренодерчане отвечали уклончиво, отчего пришлых еще пуще разбирало любопытство.

Дед Тарасюк проживал в избе-пятистенке. Огорода сроду не сажал, а пробивался тем, что ему приносили просители. Надо отметить, что худобой дед никогда не отличался, отчего сам собой напрашивался вывод, что либо благодарность за помощь была внушительной, либо он умудрился освоить иные источники питания организма, например, от солнца.

Селяне ввалились дружно, чуть не вынесли дверь и слегка своротили косяк на сторону. В избе оказалось так накурено, что хоть топор вешай – ни за что не упадет. Сам хозяин деревянного строения восседал на старом шерстяном ковре, сложив ноги по-басурмански, и курил длинную трубку с удивительно вонючим зельем, от которого у вошедших тут же заслезились глаза. Дом Тарасюка не был рассчитан на такое количество гостей, и скоро в нем не только встать, но и дышать было невозможно. Задние ряды напирали на передние, передним же деваться было некуда, и те, кого угораздило застрять в дверях, изрядно намяли друг другу бока. Но ни попасть внутрь, ни выйти наружу не смогли и выжидающе затихли, возмущенно пыхтя, как группа ежей. Оставшиеся снаружи сельчане тоже желали приобщиться к жизни Хренодерок, потому плотно обступили избу, с любопытством заглядывая в окна. Некоторые тут же пострадали, получив оконной рамой по лбу – кто-то сильно возжаждал свежего воздуха и распахнул створки, чтобы глотнуть кислорода.

Молодежь, которой стоять на месте в такую чудесную погоду смерти подобно, отыскала где-то балалайку и устроила танцы с частушками. Тренькала балалайка, девки с парнями выступали друг перед другом, притопывая в такт, с хохотом кружились в хороводе. На них шикали, но только подзадоривали на новые выдумки. Парни притащили телегу, насажали в нее девок, ухватили оглобли и помчали с ветерком.

В это время Панас прекратил наконец кашлять, судорожно вдохнул свежий, пахнувший цветущими садами воздух и вперил взгляд в Тарасюка. Хозяин избы никуда не спешил – смолил себе трубку, пускал дымные кольца в потолок да усмехался в длинные висячие усы. Выцветшие белесые глаза Тарасюка страшно уставились на вошедших, вгоняя их в нервную дрожь.

– Здрав будь, – запоздало поздоровался голова, чувствуя себя под взглядом примерно так же, как в далеком отрочестве на правеже у батьки.

– И тебе не хворать, – ответил Тарасюк, выпуская очередное ровное, словно нарисованное, кольцо.

Они еще некоторое время потарасились друг на друга. Дед помогать голове строить диалог явно не собирался. Мужчина робел, переминался с ноги на ногу, отчего успел всего за пару минут оттоптать ноги окружающим. Народ шипел, толкался локтями, но деваться в тесном пространстве было некуда, потому

приходилось терпеть, хотя цензурных слов не у всякого хватало.

- Ты, Тарасюк, сродни колдунам... - осторожно начал Панас и замер.

Тарасюку никто в лоб не объявлял, кем он слывет в деревне. Прежде всего потому, что четкого определения никто не знал, а «обладатель корявой страховидной раковины» звучит как-то странно. Но хозяин дома возражать и возмущаться не спешил, из чего мужчина с облегчением сделал вывод, что может продолжать излагать путающиеся в голове мысли.

- Значит, того... - многозначительно расширил глаза Панас.

- Чего - того? - тут же заинтересовался Тарасюк, выпуская дым уже из ноздрей.

- Того самого... - не отступил от своего голова.

- Понятно, - глубоко вздохнул дед, и собравшиеся разом позавидовали ему: дышать в прокуренном спертom воздухе им удавалось через раз, мелкими вдохами. - Ты, голова, или нормально объясни, зачем пожаловал, да еще с компанией, либо иди... - Он выдержал выразительную паузу, явно подбирая слова, куда же именно отправить Панаса и товарищей, чтобы и обидно никому не было, и убрались наконец. А то уже пол затоптали до невозможности. - Иди домой да речь подготовь и на бумажку ее запиши для ясного, стало быть, изложения.

- Красиво завернул! - восхитился кто-то, сильно стиснутый в дверях, но на него шикнули, и он заткнулся.

- Дождя бы нам, - грустно молвил Панас, глядя на удивительно розовые пятки Тарасюка, торчащие из штанин.

«Надо бы потом его спросить, чем он ноги мажет, чтобы натоптыши свести да трещины чтоб не беспокоили. Ишь, ступни-то какие! Прямо как у ребеночка грудного, розовые да гладкие», - толкнулась в голову мысль.

- Дождя? - удивленно вскинул брови дед. - А что же к ведьме не идете? Она вам дождик завсегда организует, даже с молнией, если попросите.

– Так это... – занервничал голова, как засидевшаяся девка перед неожиданным уже сговором. – С ведьмой-то мы как бы того... в контрах.

Тарасюк нахмурился, явно осуждая позицию головы относительно Светлолики. Как известно, с ведьмой враждовать, что медведя-шатуна злить – неизвестно, куда кинется, но хорошего точно ничего не выйдет.

– С ведьмой дружить надобно, а ты с нею расплевался. Нехорошо это, – выдал вердикт дед.

– Да кто ж спорит, – загрустил голова. – Я с ней вообще не ссорился, она сама осерчала.

– Ага, – доброжелательно хихикнули сзади. – Мы ее только живьем в землю зарыли, а когда она выбралась, хотели избу ее сжечь.

Панас развернулся было предъяснить зубоскалу кулак величиной со среднюю голову, но в тесноте съездил Тараму по лбу. Парнишка ахнуть не успел, как обмяк в чьих-то руках в беспомощности.

– Ты бы, голова, потише руками размахивал, – настоятельно посоветовал Тарасюк. – А то еще покалечишь кого-то. Ладно, помогу я вам. Скажу способ верный, а о цене потом сговоримся.

– Вот спасибо, уважил, – поклонился в пояс голова благодетелю, и еще один селянин, неосторожно стоящий сзади, пал жертвою оттопыренного филея. – Ты же знаешь, за ценой мы не постоим. В разумных пределах, разумеется.

– Понятное дело, – усмехнулся в усы Тарасюк. – Ты вот что, найди мне двух женщин, чтобы в самом соку были да дети у них имелись. Плуг, в который пару быков запрягаете, притащи да сбрую. Все это к реке, значит, волоките. Как притащите, так и начнем...

Он еще договорить не успел, как селяне резво рванули выполнять поручение.

Река имелась неподалеку от Хренодерок. Звалась она Закавыка, так как имела весьма своенравный характер, переменчивое русло с семью загибами на версту,

а по глубине где-то курица пешком перейдет, а где-то и до дна не донырнешь – глубоко.

На берег явились дружно, всем селом. Даже пришлые притащились. Охота им поглазеть, как принято вызывать дождь в Хренодерках. Опыт они, видишь ли, перенимают. Плугов притащили аж пять штук на выбор. Бабы выбрали из своих рядов Параскеву, как самую авторитетную и при этом еще в соку (Рагнеда взяла самоотвод по причине преклонных лет), а мужики все до одного проголосовали за Алкефу. Рыжеволосая сердцеедка кокетливо похихикала, но согласилась. Ожидали только самого затейника, и он не заставил себя ждать. Явился не спехом, в широких, подпоясанных затейливым шнуром штанах, длинной, расшитой по рукавам и вороту косоворотке, босой и с кнутом в руках. Народ заинтересованно загудел. Интересно же, что этот затейник придумал.

Светлолика тоже дожди накликала. Но у нее участия всего народа не требовалось. Сама походит, побурчит что-то невразумительное под нос, посмердит зело вонючим дымом, на пятке повертится – и вот он, дождик. Никакого тебе зрелища, глянуть не на что.

– Вот что, бабоньки, – сразу приступил к делу дед, видимо, времени даром терять не желал, дел дома припасено было немало. Все уважительно склонили головы. У всех дома осталась скотина, пригляду требующая, дети, которых кормить надобно, и прочие дела, требующие если не неусыпного бдения, то хотя бы вдумчивого почесывания затылка. – Вы, значит, юбки до колен подоткните да разуйтесь, чтобы зря обувь в речке не портить. Ща из вас лошадей делать будем.

– Лошадей... – удивленно вздохнула толпа.

Эвон как дед загнул. Ежели бы раньше знать, каждую посевную к нему б бегали. Баб, их как в урожайный год яблок, – с лихвой. А вот лошадей в хозяйстве нехватка большая.

Однако Панас забеспокоился. Параскеву было жаль. Вдруг Тарасюк с заклятием напутает и супругу назад не воротит? Где же он еще такую разумную жену сыщет? Она, конечно, бранится иногда, как без этого. Но все-таки своя, родная. Сколько лет душа в душу, и на тебе – копытами с гривой обзаведется и ржать начнет. Ни поговорить с ней, ни семок полузгать.

– Ты там того... без этого, – насутился он. – Женку мою в целости верни.

Зарделась Параскева: сколько лет бок о бок, а супругу все еще небезразлична.

– Да что с ней сделается? – фыркнул Тарасюк, не разделявший опасений головы. – Вот речку перепашем, и вернется назад живехонька и здоровехонька.

Народ оживился. Всем стало интересно посмотреть, как речку пахать станут. Селяне рассредоточились по берегу. Благо на его склоне вполне можно было найти место на свой вкус и зоркость зрения. Самые предприимчивые достали жареные семечки и принялись их лузгать, вводя окружающих в грех зависти.

Тарасюк подошел к упряжке творчески. Велел женщинам снять платки и сделать множество маленьких хвостиков на месте прямого пробора.

– Вот и будет у вас грива, – довольно заключил он; посмотрел со стороны, оценивая. – Чего-то не хватает, – задумался колдун. – О! Понял! Ща, бабы, будем делать вам хвосты.

Любопытный народ подался вперед. Все знали, что у ведьм хвосты растут, а у обычных женщин лишнего отростка на копчике никто до сей поры не замечал. Может, не приглядывались просто?

Дед приподнял игриво хихикающей Алкефе юбку и завязал подол сзади на манер конского хвоста.

– Ишь какая кобылка славная получилась! – хмыкнул одобрително.

Параскева не стала ждать, пока ее одесят, сама юбку скрутила, как надо, и пошла потеха. Тарасюк женщин в плуг запряг, кнутом щелкнул.

– Но-о-о! – кричит. – Пошли, залетные! Пашите воду, чтобы из тучи к нам на поля вернулась.

Бабы в речку вошли, вода пошла брызгами, тут и самый серьезный рассмеется. Параскева с Алкефой хохочут, рвут плуг по дну, взбивают воду босыми ногами, мелкие рыбки из-под ног шарахаются, лягушки в разные стороны прыгают,

квакают оглушительно, водоросли на плуг наматываются, ил со дна поднимается. Тарасюк сзади плуг придерживает, кнутом по воде щелкает, на «лошадок» строго прикрикивает. «Такие-растакие, немазанные – сухие! Пашите шибче, а то до осени всходов не дождемся!» На берегу парни с девками балалайку притащили и тут танцы устроили. Шуметь на них не стали, многие присоединились: кто частушки поет, кто лаптями по земле топчет в плясовой. Прямо не обряд по вызову дождя, а цельный праздник получился.

Но тут со дна самого глубокого омуты поднялся водяной, сам страшный, вместо волос, усов и бороды водоросли длинные, выкатил на всех глазищи огромные, тарашится осуждающе.

– Что это вы тут расшумелись?! Всю рыбу мою распугали, полреки перебаламутили, лягушки от страха икру выметали преждевременно, русалки под коряги попрятались и трясутся, бедняжечки. Прекратите сей же миг безобразничать! Разве не знаете, что глупые игры на воде добром не кончаются?

– Прощения просим, водяной-батюшка, – поясно поклонился Тарасюк. – Мы же не со злого умысла, а по необходимости.

На берегу плясать перестали только взрослые, подошли поближе, прислушались к разговору. «Лошадки» тоже встали до окончания переговоров. С водяным кто же ссорится? Молодежь же, знамо дело, уймется, когда выдохнется или дракон мимо пролетит и огнем пыхнет: знай себе песни поют, на балалайке тренькают да пляшут – скачут и смеются.

– Ты что буробишь, человек? Седина в усы, а все детство в филее играет? Какая такая тебе надобность с плугом в речку лезть? С пашней, что ли, с пьяных глаз попутал? Баловство одно на уме, тут и думать нечего, – ярился водяной, тряся бородой.

– Так нам дождя надобно, – развел руками дед. – Без него земля не родит, это всем известно.

– Известно, говоришь? – недобро прищурился хозяин вод, пошуровал рукой где-то под водой, извлек из глубин большую сучковатую палку, потряс ею угрожающе и возвестил многозначительно: – А вот я сейчас покажу вам, где раки зимуют! Век меня помнить будете, а забывать станете, так я всегда рад

память вашу улучшить.

Параскева с Алкефой поняли, что прошел черед переговоров – сейчас их будут бить, и рванули так, что чуть лемех не сломали. Тарасюк замешкался, схлопотал палкой по спине, охнул и помчался чуть ли не впереди своей пары. Женщины бросить плуг не догадались, с визгом выскочили на противоположный берег, дернулись туда-сюда, заскользили по глинистой почве обрыва.

– Быстрее! – благим матом верещала Алкефа, которой удрать от преследователя было делом чести.

Кокетливую селянку, чей глубокий вырез служил вечным искусом для мужского населения, женщины собирались бить по три раза на неделю, и если бы не быстрые ноги, ходить бы ей вечно в синяках.

– Куда уж быстрее, заполошная? – Параскева даже в сложной ситуации головы не теряла. – Видишь, берег крутой да скользкий. Не подняться нам наверх.

Алкефа обернулась, с ужасом обнаружила настигающих Тарасюка и грозного водяного, размахивающего палкой, как ветряная мельница крыльями при хорошем ветре. Взвизгнула, развернулась, дунула обратно, не рассматривая, успевает ли Параскева или нет. Жена головы была женщиной сноровистой, вмиг сориентировалась. Проскочили мимо опешившего водяного и поволокли плуг обратно на тот берег. Тарасюк развернулся, получил знатного пинка для скорости и помчался следом. Водяной издал душераздирающий вопль, заставивший всех речных чаек попадать в воду оглушенными.

Параскева с Алкефой бодро достигли другого берега, но ни «пахарь», ни водяной не отставали – дышали в затылок. Женщины взвизгнули и снова метнулись в воду. Так они и бегали туда-сюда под потрясенными взглядами односельчан. Молодежь сначала подивилась на игры взрослых, а затем свое веселье продолжила.

Первым устал водяной. Метнул вслед Тарасюку палку сучковатую, угодил прямо в темечко, да, видно, сильно устал или череп деда был тверже, чем думалось. Палка шлепнулась в воду, поплыла себе по течению, лишь слегка примяв полуседые волосы. Водяной упал следующим, погрозил кулаком селянам.

– Вот придете ко мне за рыбкой! Я уж вам в сети тины накидаю, не поленюсь! – побулькал злобно да под воду ушел.

Тарасюк выскочил на берег да так и упал на спину, вдыхая воздух ведрами, словно сам под водой побывал – не надышится.

«Лошадки» прогалопировали по берегу еще немного, Алкефа запнулась о выступающий из земли корень и упала на колени. Параскева споткнулась о товарку, пролетела несколько метров кувырком, увлекая за собой изуродованный плуг, и грохнулась оземь, так что дух перехватило, а перед глазами поплыли круги разноцветные.

Селяне смеялись так, что чуть животы не надорвали. Панас же за жену разобиделся, цыкнул на всех грозно (но не преуспел, разве можно заткнуть людей веселящихся), подошел, поднял на ноги, отер ее перепачканное лицо, руки, ноги своею рубашкою, выпутал из упряжи, одернул юбку заботливо. Параскева горестно всхлипнула, прижалась к груди мужчиной, глубоко вздохнула. Он и не подумал протестовать, обнял жену нежно, погладил по встопорщенным волосам, вызвав в женщинах Хренодерок восхищенную зависть. Жены мужей локтями дружно пихнули, – мол, смотрите, как голова наш жену свою чтит-уважает, у всех на виду обнимает да по волосам поглаживает.

Мужчины зашумели, насупились. Зачем же вас, женщин взрослых, наглаживать? Аль вы кошки-мурлыки, что ласки за всякого мышонка требуете? Что вас, баб, зазря баловать? Эдак вы и на голову сядете. Женщины на мужей своих осерчали. Кошки не кошки, а доброе слово и нам приятно. И ушли по домам, на мужчин разобидевшись. Панас с Параскевой удалились в обнимку, как молодожены. Мужики еще пошумели для порядку, возмущаясь нахальству супруг своих, да пошли заливать грусть-тоску в «Пьяный поросенок». Тарасюк отдышался и домой отправился. На берегу только молодежь и осталась, что ж не погулять, пока погода хорошая. Но только они так подумали, как набежали на село тучи темные, грянул гром, и ударила молния прямо в реку. И пошел такой ливень, что насквозь за секунды всех промочил. Молодым же все хихоньки да хахоньки, – с визгом по домам разбежались, босыми ногами по лужам шлепая.

Сумерки спустились на Безымянный лес. На небе выступили частые звезды, выплыл ущербный месяц тонким серпиком. Из избы, с чувством потягиваясь, вышла Светлолика в сопровождении Дорофея. Вернулись с охоты вервольфы. Судя по их довольному виду и по зайцу в каждой пасти, охота у них задалась, раз они не только наелись, но и презент принесли ведьме.

Очнувшемуся Вешилу оставалось только подивиться на оборотней, совершенно добровольно служивших ведьме без ошейников подчинения. Такого неприкрытого обожания на мордах монстров он как-то не ожидал увидеть. Каким образом девушка, проживающая в лесу, умудрялась ладить с клыкастыми зверюгами, оставалось загадкой. На всякий случай маг решил не подавать активных признаков жизни (пусть все тело у него под землей, но голова тоже нужная часть организма, хотя бы чтобы есть, если уж на другое не способен) и осторожно продиагностировал пострадавший организм. Тело саднило, но в общем самочувствие было гораздо лучше, чем можно было ожидать. Видимо, та дрянь, которой его щедро намазали, действительно была лечебной. Вешил попытался было сотворить исцеляющее заклинание, но не преуспел. Закопанные руки в жесты не складывались, сотворить плетение в уме, конечно, можно, но формула почему-то не желала слушаться, скользила по краю сознания, словно тень на границе периферийного зрения, а зацепить себя не давала. Только голова заболела от тщетных усилий. Наконец Вешил тяжело вздохнул и решил бросить сие неблагоприятное занятие. Может, завтра получится. Хотя до него еще надо дожить.

Тем временем Светлолика благосклонно приняла тушки зайцев, отнесла их в избу и принялась за приготовление к ритуалу. Перво-наперво развела костер. Положила рядом сучки, ветки и небольшие полена, чтобы при необходимости можно было всю ночь огонь поддерживать. Принесла старый бубен с начертанными на нем таинственными знаками. Инструмент достался ей от матери, которой верно служил для вызова духов. Что за кожа пошла на изготовление, девушка старалась не думать, может статься, что и человеческая – кто знает. Дорофей принес небольшой стожок сушеных трав, разложил их в определенном порядке, полюбовался результатом и вздохнул:

– Может, ну его, ритуал этот? Маги живучи, что собаки бесхозные – все на них заживает, и на этом заживет. Сарат вон его из такой дали тащил, а он так и не отдал Всевышнему душу. Гляди, очнулся уже.

– Да ладно тебе ворчать, – усмехнулась ведьма, да так многозначительно, что Вешилу сразу резко поплохело. Как бы она вот с такой милой улыбочкой жертвоприношение не устроила. Кто этих деревенских ведьм знает? У них же что ни зелье, то дрянь несусветная с составом до того омерзительным, что только крепкий желудок может принять такое без последствий. – Жалко тебе для несчастного ритуала?

– Ритуала не жалко было бы, кабы не пришлось не спать всю ночь напролет. Одних ведь трав сколько изведем, а лето еще не наступило.

– Глупости, – фыркнула ведьма. – Давно пора было кладовку от старых запасов почистить. Они, наверное, там уже лет пять лежат, все рука не поднималась.

«Они еще всякую гадость жечь станут», – с тоской подумал Вешил, поняв, что шансов пережить эту ночь становится все меньше.

Светлолика извлекла из недр юбки книжицу в кожаной обложке, заботливо заложенную где-то на середине деревянной линейкой, и спокойно принялась вчитываться в строки, шевеля при этом губами.

«Мамочки, – испуганно расширил глаза Вешил. – Угробит ведь, как пить дать угробит, девка неученая!

– Эй! – стараясь не особо поддаваться панике, вякнул он. – Эй!

– О! Не только очнулся, но и орет! – обрадовался кот и дернул ведьму за юбку.

– Чего надо? – неласково воззрилась девица, оторвавшись от занимательного чтения. – Видишь, я делом занята? – Маг потрясенно кивнул. – Вот и не мешай до конца ритуала. Вопросы станешь задавать потом. Если выживешь, конечно. – Последние слова девица пробурчала себе под нос, но раненый обладал хорошим слухом и едва не поседел от ужаса.

Он понимал, что рваться из земляной ловушки – бесполезное, изматывающее занятие. Оставалось только попробовать решить проблему путем переговоров.

- Уважаемая ведьма, – осторожно начал он. – А вы не пробовали сначала выучить заклинание, а уже потом проводить ритуал?

- Обалдел? – фыркнула Светлолика. – Да тут пять листов мелким неразборчивым почерком! Когда же я его учить стану? За неделю не управлюсь.

- О Всевышний! И этот неуч станет меня лечить? – возвел очи к небу маг.

- А ты небось ученый? – заинтересовалась Лика.

- Конечно, – справедливо возгордился своими успехами Вешил.

Такой молодой, а уже на звание архимага замахнулся.

- И академию окончил?

- Представь себе. Даже с отличием.

- А я вот академий не кончала, и ты все равно оказался в Безымянном лесу со мной. Причем я-то без ритуала вполне себе проживу. А вот из тебя проще котлет нажарить, чем исцелить. Вот скажи мне, маг, и стоило для этого так долго учиться?

Вешил не нашелся с ответом и поспешил замаскировать неловкость кашлем.

- Вот-вот, – фыркнул наглый черный кот. – Легкие уже простудил.

От дальнейшего спора маг воздержался не потому, что сказать, в сущности, было нечего, просто когда ты зарыт в землю по самую шею, доказывать что-либо оппоненту, глядя на него снизу вверх, не очень удобно.

Светлолика дочитала текст до конца. Задумчиво почесала подбородок и выдала Дорофею тонкую палочку.

- Очерти-ка вокруг поляны круг, пожалуйста. А вы, любезные, подите погуляйте, что ли. – Это уже вервольфам.

Оборотни приняли указания ведьмы без возражений, предупреждая зыркнули в сторону мага, словно одна его голова, торчащая наружу, как булыжник посереде поля, могла навредить ведьме только одним своим присутствием, и растворились в ночи серыми тенями. Словно их и не было.

Дорофей же взял палку и, старательно высунув язык, очертил совершенно кривой круг.

– Между прочим, магический круг чертится по солнцу, а не против его хода, – наставительно заявил маг. «Если, конечно, вы тут некромантией не собрались заниматься», – с тоской додумал он.

– М-дя? – удивился пушистый зверь, почесал лапой затылок, пожал плечами и сообщил: – Мню, ладно. Для особо привередливых очерчу круг еще и в другую сторону. Но чисто чтобы ты заткнулся.

Ведьма терпеливо подождала, пока кот закончит второй, еще более неказистый круг, смахивающий на многоугольник, нарисованный с пьяных глаз. Конечно, маг не претендовал на ювелирную точность, но всегда считал верное следование ритуалу одной из основ успешного магического действия. Поэтому струхнул еще больше, когда ведьма в одну руку взяла бубен, в другой стиснула сомнительного происхождения книжицу и пошла обходить круг, вычитывая занудным голосом заклинание. Она явно его коверкала и оглашала окрестности звучными ударами по инструменту переплетом книги. Кот же принялся методично кидать в огонь травы, фыркая, когда особо ретивые искры грозили подпалить кошачьи усы. Сморд поднялся такой, что даже у мага заслезились глаза. Томимый смутными сомнениями, что данная ночь для него явно последняя в жизни и встретить рассвет ему уже не суждено, Вешил поднял взгляд светло серых глаз к ущербному месяцу и впервые в жизни испытал непреодолимое желание завуть на луну. Он закрыл глаза и попробовал воспроизвести волчью распевку:

– У-у-у-у!

Дорофей бросил метать сено в языки пламени и прислушался.

– Слышь, Светлолика! Какой хороший у нас ритуал получается! Только начали, а как забирает болезного.

– Замечательно! – радостно откликнулась ведьма. – Значит, мы двигаемся в правильном направлении.

Она поманила филина, задумчиво восседавшего на ближайшей елке. Тот сразу понял, что именно от него требуется, хотя вслух не было произнесено ни слова, и медленно облетел круг ровно семь раз.

Первыми появились сильфы. Вешил не был готов к визиту маленьких прекрасных духов воздуха со стрекозиными крылышками, похожих на мелких фей-крошек. Одежда их, сотканная из лунного света и воздуха, струилась многочисленными складками, что вовсе не мешало малышам весело резвиться на поляне. Они облетели костер в танце, некоторые принялись с интересом рассматривать торчащую, словно пень из земли, голову незнакомого мага. Самые отважные взобрались на макушку и стали кататься, будто расшалившиеся детки с горы, визжа и хохоча. Вешил боялся лишний раз вдохнуть, чтобы не спугнуть малышню, хотя было очень щекотно и приходилось прилагать титанические усилия, чтобы не расчихаться.

Магу и раньше приходилось общаться с духами воздуха, но никогда при этом они так не веселились. Обычно вызову сильфов предшествовал долгий нудный ритуал, после чего появлялся мрачный представитель от духов, который вовсе не горел желанием помогать вызвавшему его колдуну, а наоборот, пакостил, стоило только чуть перевернуть формулу или расслабиться. Сильфы только выглядели безобидно, но вполне могли порвать одежду, разметать крышу здания (если вызов происходил в доме), выбить окна и двери. Многие адепты поплатились за самонадеянность порванными штанами и развешанной по ближайшим деревьям одеждой, сорванной с них же. Несколько студентов сильфы умудрились затащить в сад с магическими растениями и рассадить верхом на ветки плотоядного дерева. Дерево оказалось сытым и с удивлением косилось на млевших от ужаса будущих магов. Завхоз (садовник по совместительству) снял бедолаг только через три дня, когда смола дерева уже почти затянула несчастных в смолистый кокон, а в столовой сняли ребят с довольствия за прогулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrianova_tat-yana/i-gryanul-v-hrenoderkah-grom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)